

. II.

[Stable URL: <http://elar.uni Yar.ac.ru/jspui/handle/123456789/301>]

[2011: :]

« » / . . . . (.). . I

THE SCIENTIFIC & EDUCATIONAL
CENTRE FOR CLASSICAL STUDIES
AT YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY
YAROSLAVL, RUSSIA

DAS WISSENSCHAFTLICHEN FORSCHUNGS- UND
STUDIENZENTRUM FÜR DIE GESCHICHTE,
KULTUR UND RECHT DER ANTIKE
DER STAATLICHEN DEMIDOW-UNIVERSITÄT JAROSLAWL
YAROSLAWL, RUSSLAND

RUSSIAN SOCIETY OF CLASSICAL STUDIES

« »
THE RESEARCH AND EDUCATIONAL FOUNDATION
"THE CENTRE FOR ROMAN LAW STUDIES"
YAROSLAVL BRANCH

YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY

Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова

Научно-образовательный Центр антиковедения

**КОЛЛОКВИУМЫ ПО ИСТОРИИ ДРЕВНЕГО МИРА.
Ч. II. ГРЕЦИЯ И РИМ**

**Тема IV.
ЗАВОЕВАНИЯ АЛЕКСАНДРА МАКЕДОНСКОГО**

*Методические указания по самостоятельной подготовке
для студентов I курса бакалавриата
направления «История»*

Составители В.В. Дементьева, О.Г. Цымбал

Ярославль 2011

Тема 4. ЗАВОЕВАНИЯ АЛЕКСАНДРА МАКЕДОНСКОГО

1. Предпосылки восточных походов Александра.
2. Начало похода на Восток. Завоевание Малой Азии и Восточного Средиземноморья.
3. Продвижение по Месопотамии, Персии и Мидии.
4. Среднеазиатский и индийский походы. Возвращение армии. Результаты восточных походов.

Основная учебная литература:

1. Бузескул В.П. История Афинской демократии. СПб., 2003. С. 429-461.
2. Древняя Греция: учебное пособие для вузов / Б.С. Ляпустин, И.Е. Суриков. М., 2007. С. 419-440.
3. История Древней Греции: Учеб./ Ю.В. Андреев, Г.А. Кошеленко, В.И. Кузищин, Л.П. Маринович; Под ред. В.И. Кузищина. 3-е изд. М., 2003. С. 274-287.
4. Сергеев В.С. История Греции. М., 2008. С. 618-648.

Дополнительная литература:

1. Бриан П. Александр Великий. Из Греции на Восток. М., 2003. 176 с.
2. Гафуров Б.Г., Цибукидис Д.И. Александр Македонский и Восток. М., 1980. 456 с.
3. Дройзен И.Г. История эллинизма / Под ред. Э.Д. Фролова. СПб., 1997. Т. 1. 446 с.
4. Зельин К.К. Основные черты эллинизма // ВДИ. 1953. № 4. С. 145-157.
5. Исаева В. И. Особенности политической публицистики Исократы // ВДИ. 1978. № 2. С. 59-82.
6. Ковалев С.И. Монархия Александра Македонского. // ВДИ. 1949. № 4. С. 29-41.
7. Ковалев С.И. Переговоры Дария с Александром и македонская оппозиция // ВДИ. 1946. № 3. С. 46-57.
8. Конноли П. Греция и Рим. Энциклопедия военной истории. М., 2000. С. 64-74.
9. Кошеленко Г.А. Аристотель и Александр (К вопросу о подлинности «Письма Аристотеля к Александру о политике по отношению к городам») // ВДИ. 1974. № 1. С. 22-45.
10. Маринович Л. П. Александр Македонский и полисы Малой Азии (К постановке проблемы). // ВДИ. 1980. № 2. С. 29-52.
11. Маринович Л.П. Греки и Александр Македонский. (К проблеме кризиса полиса). М., 1993. 287 с.
12. Ранович А. Александр Македонский и греческие города Малой Азии // ВДИ. 1947. № 4. С. 57-64.

13. Ранович А. Основные проблемы истории эллинизма // ВДИ. 1949 № 1. С. 11-29.
14. Ростовцев М.И. Эллинизм как термин. Характерные черты эллинизма как эпохи и значение этой эпохи в истории человечества (публикация Ю.Н. Литвиненко) // Парфянский выстрел / Г.М. Бонгард-Левин, Ю.Н. Литвиненко (ред.). М., 2003. С. 309-317.
15. Уилер М. Пламя над Персеполем. М., 1972.
16. Фор П. Александр Македонский. М., 2006. 445 с.
17. Фор П. Повседневная жизнь армии Александра Македонского. М., 2008. 362 с.
18. Фролов Э.Д. Коринфский конгресс 338/7 г. до н. э. и объединение Эллады // ВДИ. 1974. № 1. С.45-64.
19. Холод М.М. Македонская монархия и греческие полисы Малой Азии (336-323 гг. до н.э.): Авт. дисс... к.и.н. СПб., 2008. 26 с.
20. Цибукидис Д.И. Древняя Греция и Восток. Эллинистическая проблематика греческой историографии (1850-1974). М., 1981. 253 с.
21. Шифман И.Ш. Александр Македонский. М., 1988. 204 с.
22. Шахермайр Ф. Александр Македонский. М., 1986. 384 с.
23. Шофман А.С. Армия и военные преобразования Александра Македонского // ВДИ. 1972. № 1. С. 171-187.
24. Шофман А.С. Восточная политика Александра Македонского. Казань, 1976. 518 с.
25. Шофман А. С. Первый этап антимакедонского движения периода восточных походов Александра Македонского // ВДИ. 1973. № 4. С. 117-136.
26. Шофман А. С. Религиозная политика Александра Македонского // ВДИ. 1977. № 2. С. 111-121.
27. Wirth G. Dareios und Alexander // Chiron. 1971. Vol.1. S. 133–152.

Начиная подготовку по данной теме, обратите внимание на то, кому принадлежала идея похода на Восток, кто первый приступил к ее реализации. Изложите сведения источников о личности Александра, а также приведите характеристики, данные исследователями. Расскажите о первых военных успехах Александра, о подавлении восстания в Греции. Как историки решают вопрос о формировании у Александра цели достижения мирового господства?

Какое положение сложилось в Персидской державе во второй половине IV в. до н.э.? Приведите цифры, характеризующие военные силы Александра на момент начала Восточных походов и структуру его армии. Каковы ход и результат сражения при Гранике? В чем проявились особенности продвижения Александра по малоазийскому побережью Эгейского моря? Каковы были действия Дария III?

Охарактеризуйте соотношение сил в битве при Иссе и роль этого сражения. Почему Александр избрал путь движения по направлению к Египту? Изложите события, связанные со взятием г. Тира. Какими событиями и обстоятельствами отмечено пребывание Александра в Египте?

Назовите дату начала второго этапа походов. Приведите в деталях и подробностях сведения источников о битве при Гавгамелах. Отметьте возрастание сопротивления Александру на территории Персиды, сожжение Персеполья. Расскажите о действиях Антипатра воспроизведите изученный материал о взятии Экбатан. Изложите сведения о конфликтах Александра с Македонской знатью: казнь Филоты, убийство Пармениона, Клита, «заговор пажей», опала Каллисфена. В чем выразилось стремление Александра наладить связи с местной знатью?

Четвертый вопрос включает в себя следующие события: преследование Александром Дария III, затем Бесса, судьба этих противников македонского царя. Вторжение армии Александра в индийские земли, его тактика на этой территории. Недовольство в армии. Строительство флота, разделение армии и трудности возвращения из похода. Бунт солдат в Описе. Пребывание Александра в Вавилонии, его смерть. Результаты Восточных походов греко-македонской армии.

ФРАГМЕНТЫ ИСТОЧНИКОВ ПО ТЕМЕ «ЗАВОЕВАНИЯ АЛЕКСАНДРА МАКЕДОНСКОГО»

Рождение Александра

Плутарх. Александр.

2. Происхождение Александра не вызывает никаких споров: со стороны отца он вел свой род от Геракла через Карана, а со стороны матери — от Эака через Неоптолема. Сообщают, что Филипп был посвящен в Самофракийские таинства одновременно с Олимпиадой, когда он сам был еще отроком, а она девочкой, потерявшей своих родителей. Филипп влюбился в нее и сочетался с ней браком, добившись согласия ее брата Арибба. Накануне той ночи, когда невесту с женихом закрыли в брачном покое, Олимпиаде привиделось, что раздался удар грома и молния ударила ей в чрево, и от этого удара вспыхнул сильный огонь; языки пламени побежали во всех направлениях и затем угасли. Спустя некоторое время после свадьбы Филиппу приснилось, что он запечатал чрево жены: на печати, как ему показалось, был вырезан лев. Все предсказатели истолковывали этот сон в том смысле, что Филиппу следует строже охранять свои супружеские права, но Аристандр из Тельмесса сказал, что Олимпиада беременна, ибо ничего пустого не запечатывают, и что беременна она сыном, который будет обладать отважным, львиным характером. Однажды увидели также змея, который лежал, вытянувшись вдоль тела спящей Олимпиады; говорят, что это больше, чем что-либо другое, охладило влечение и любовь Филиппа к жене и он стал реже проводить с нею ночи — то ли потому, что боялся, как бы женщина его не околдовала или же не опоила, то ли считая, что она связана с высшим существом, и потому избегая близости с ней. О том же самом существует и другой рассказ. Издревле все женщины той страны участвуют в орфических таинствах и в оргиях в честь Диониса; участниц таинств называют клодонками и мималлонками, а действия их во многом сходны с обрядами эдонянок, а также фракиянок, живущих у подножья Гемоса (этим последним, по-моему, обязано своим происхождением слово «фрэскеуэйн» [thrēskeúein], служащее для обозначения неумеренных, сопряженных с излишествами священнодействий). Олимпиада ревностнее других была привержена этим таинствам и неистовствовала совсем по-варварски; во время торжественных шествий она несла больших ручных змей, которые часто наводили страх на мужчин, когда, выползая из-под плюща и из священных корзин, они обвивали тирсы и венки женщин.

3. После явившегося ему знамения Филипп отправил в Дельфы мегалополитанца Херона, и тот привез ему оракул Аполлона, предписывавший приносить жертвы Аммону

и чтить этого бога больше всех других. Говорят также, что Филипп потерял тот глаз, которым он, подглядывая сквозь щель в двери, увидел бога, спавшего в образе змея с его женой. Как сообщает Эратосфен, Олимпиада, провожая Александра в поход, ему одному открыла тайну его рождения и настоятельно просила его не уронить величия своего происхождения. Другие историки, наоборот, рассказывают, что Олимпиада опровергала эти толки и восклицала нередко: «Когда же Александр перестанет оговаривать меня перед Герой?»

Александр родился в шестой день месяца гекатомбеона, который у македонян называется лой, в тот самый день, когда был сожжен храм Артемиды Эфесской. По этому поводу Гегесий из Магнезии произнес остроту, от которой веет таким холодом, что он мог бы заморозить пламя пожара, уничтожившего храм. «Нет ничего удивительного, — сказал он, — в том, что храм Артемиды сгорел: ведь богиня была в это время занята, помогая Александру появиться на свет». Находившиеся в Эфесе маги считали несчастье, приключившееся с храмом, предвестием новых бед; они бегали по городу, били себя по лицу и кричали, что этот день породил горе и великое бедствие для Азии. Филипп, который только что завоевал Потидею, одновременно получил три известия: во-первых, что Парменион в большой битве победил иллирийцев, во-вторых, что принадлежавшая ему скаковая лошадь одержала победу на Олимпийских играх, и, наконец, третье — о рождении Александра. Вполне понятно, что Филипп был сильно обрадован, а предсказатели умножили его радость объявив, что сын, рождение которого совпало с тремя победами, будет непобедим.

Перевод М.Н. Ботвинника и И.А. Перельмутера

Вопросы по тексту источника:

1. Назовите имена родителей Александра. Кем они были по происхождению и социальному положению?
2. Какие легенды связаны с рождением Александра? Как Вы полагаете, когда появились эти легенды?

Детство Александра

Плутарх. Александр.

4. Еще в детские годы обнаружилась его воздержность: будучи во всем остальном неистовым и безудержным, он был равнодушен к телесным радостям и предавался им весьма умеренно; честолюбие же Александра приводило к тому, что его образ мыслей был не по возрасту серьезным и возвышенным. Он любил не всякую славу и искал ее не где попало, как это делал Филипп, подобно софисту хваставшийся своим красноречием и увещивавший победы своих колесниц в Олимпии изображениями на монетах. Однажды, когда приближенные спросили Александра, отличавшегося быстротой ног, не пожелает ли он состязаться в беге на Олимпийских играх, он ответил: «Да, если моими соперниками будут цари!» Вообще Александр, по-видимому, не любил атлетов: он устраивал множество состязаний трагических поэтов, флейтистов, кифаредов и рапсодов, а также различные охотничьи соревнования и бои на палках, но не проявлял никакого интереса к кулачным боям или к панкратию и не назначал наград их участникам.

5. <...> Всякий раз, как приходило известие, что Филипп завоевал какой-либо известный город или одержал славную победу, Александр мрачнел, слыша это, и говорил своим сверстникам: «Мальчики, отец успеет захватить все, так что мне вместе с вами не удастся совершить ничего великого и блестящего». Стремясь не к наслаждению и богатству, а к доблести и славе, Александр считал, что чем больше получит он от своего отца, тем меньше сможет сделать сам. Возрастание македонского могущества порождало у Александра опасения, что все великие деяния будут совершены до него, а он хотел унаследовать власть, чреватую не роскошью, удовольствиями и богатством, но битвами, войнами и борьбою за славу.

Само собой разумеется, что образованием Александра занимались многочисленные воспитатели, наставники и учителя, во главе которых стоял родственник Олимпиады Леонид, муж сурового нрава; хотя сам Леонид и не стыдился звания воспитателя и дядьки, звания по существу прекрасного и достойного, но из уважения к нему и его родственным связям все называли его руководителем и наставником Александра. Дядькой же по положению и по званию был Лисимах, акарнанец родом. В этом человеке не было никакой утонченности, но лишь за то, что он себя называл Фениксом, Александра — Ахиллом, а Филиппа — Пелеем, его высоко ценили и среди воспитателей он занимал второе место.

6. Фессалиец Филоник привел Филиппу Букефала, предлагая продать его за тринадцать талантов, и, чтобы испытать коня, его вывели на поле. Букефал оказался диким и неукротимым; никто из свиты Филиппа не мог заставить его слушаться своего голоса, никому не позволял он сесть на себя верхом и всякий раз взвизгивал на дыбы. Филипп рассердился и приказал увести Букефала, считая, что объездить его невозможно. Тогда присутствовавший при этом Александр сказал: «Какого коня теряют эти люди только потому, что по собственной трусости и неловкости не могут укротить его». Филипп сперва промолчал, но когда Александр несколько раз с огорчением повторил эти слова, царь сказал: «Ты упрекаешь старших, будто больше их смыслишь или лучше умеешь обращаться с конем». «С этим, по крайней мере, я справлюсь лучше, чем кто-либо другой», — ответил Александр. «А если не справишься, какое наказание понесешь ты за свою дерзость?» — спросил Филипп. «Клянусь Зевсом, — сказал Александр, — я заплачу то, что стоит конь!» Поднялся смех, а затем отец с сыном побились об заклад на сумму, равную цене коня. Александр сразу подбежал к коню, схватил его за узду и повернул мордой к солнцу: по-видимому, он заметил, что конь пугается, видя впереди себя колеблющуюся тень. Некоторое время Александр пробежал рядом с конем, поглаживая его рукой. Убедившись, что Букефал успокоился и дышит полной грудью, Александр сбросил с себя плащ и легким прыжком вскочил на коня. Сперва, слегка натянув поводья, он сдерживал Букефала, не нанося ему ударов и не дергая за узду. Когда же Александр увидел, что норы коня не грозят больше никакою бедой и что Букефал рвется вперед, он дал ему волю и даже стал по-нукать его громкими восклицаниями и ударами ноги. Филипп и его свита молчали, объятые тревогой, но когда Александр, по всем правилам повернув коня, возвратился к ним, гордый и ликующий, все разразилось громкими криками. Отец, как говорят, даже проследил от радости, поцеловал сошедшего с коня Александра и сказал: «Ищи, сын мой, царство по себе, ибо Македония для тебя слишком мала!»

7. Филипп видел, что Александр от природы упрям, а когда рассердится, то не уступает никакому насилью, но зато разумным словом его легко можно склонить к принятию правильного решения; поэтому отец старался больше убеждать, чем приказывать. Филипп не решался полностью доверить обучение и воспитание сына учителям музыки и других наук, входящих в круг общего образования. <...> Поэтому царь призвал Аристотеля, самого знаменитого и ученого из греческих философов, а за обучение расплатился с ним прекрасным и достойным способом: Филипп восстановил им же самим разрушенный город Стагиру, откуда Аристотель был родом, и возвратил туда бежавших или находившихся в рабстве граждан. Для занятий и бесед он отвел Аристотелю и Александру рощу около Миезы, посвященную нимфам, где и поныне показывают каменные скамьи, на которых сидел Аристотель, и тенистые места, где он гулял со своим учеником. Александр, по-видимому, не только усвоил учения о нравственности и государстве, но приобщился и к тайным, более глубоким учениям, которые философы называли «устными» и «скрытыми» и не предавали широкой огласке. Находясь уже в Азии, Александр узнал, что Аристотель некоторые из этих учений обнародовал в книгах, и написал ему откровенное письмо в защиту философии, текст которого гласит: «Александр Аристотелю желает благополучия! Ты поступил неправильно, обнародовав учения, предназначенные только для устного преподавания. Чем же будем мы отличаться от остальных людей, если те самые учения, на которых мы были воспитаны, сделаются общим достоянием? Я хотел бы превосходить

других не столько могуществом, сколько знаниями о высших предметах. Будь здоров». Успокаивая уязвленное честолюбие Александра, Аристотель оправдывается, утверждая, что эти учения хотя и обнародованы, но вместе с тем как бы и не обнародованы. В самом деле, сочинение о природе было с самого начала предназначено для людей образованных и совсем не годится ни для преподавания, ни для самостоятельного изучения.

8. Мне кажется, что и любовь к врачеванию Александру более, чем кто-либо другой, внушил Аристотель. Царь интересовался не только отвлеченной стороной этой науки, но, как можно заключить из его писем, приходил на помощь заболевшим друзьям, назначая различные способы лечения и лечебный режим. Вообще Александр от природы был склонен к изучению наук и чтению книг. Он считал, и нередко говорил об этом, что изучение «Илиады» — хорошее средство для достижения военной доблести. Список «Илиады», исправленный Аристотелем и известный под названием «Илиада из шкатулки», он всегда имел при себе, храня его под подушкой вместе с кинжалом, как об этом сообщает Онесикрит. Так как в глубине Азии Александр не имел под рукой никаких иных книг, Гарпал по приказу царя прислал ему сочинения Филлиста, многие из трагедий Эврипида, Софокла и Эсхила, а также дифирамбы Телеста и Филоксена. Александр сначала восхищался Аристотелем и, по его собственным словам, любил учителя не меньше, чем отца, говоря, что Филиппу он обязан тем, что живет, а Аристотелю тем, что живет достойно. Впоследствии царь стал относиться к Аристотелю с подозрительностью, впрочем, не настолько большою, чтобы причинить ему какой-либо вред, но уже самое ослабление его любви и привязанности к философу было свидетельством отчуждения. Однако врожденные и привитые ему с детства рвение и страсть к философии не угасли в душе Александра, как это доказывают почести, оказанные им Анаксарху, пятьдесят талантов, посланные Ксенократу, и заботы о Дандамиде и Калане.

Перевод М.Н. Ботвинника и И.А. Перельмутера

Вопросы по тексту источника:

1. Какое образование получил Александр? Кого из его воспитателей и учителей Вы можете назвать?
2. Дайте характеристику личности Александра.

Воцарение Александра

Плутарх. Александр

9. Когда Филипп пошел походом против византийцев, Александр, которому было только шестнадцать лет, остался правителем Македонии, и ему была доверена государственная печать. За это время Александр покорил восставших медов, захватил их город, изгнал оттуда варваров и, заселив его переселенцами из различных мест, назвал Александрополем. Александр участвовал также в битве с греками при Херонее и, говорят, первый бросился в бой со священным отрядом фиванцев. И в наши дни показывают старый дуб у реки Кефиса — так называемый дуб Александра, возле которого стояла его палатка; неподалеку находятся могилы македонян. За все это Филипп, естественно, очень любил сына, так что даже радовался, когда македоняне называли Александра своим царем, а Филиппа полководцем. <...>

11. Итак, двадцати лет от роду Александр получил царство, которому из-за сильной зависти и страшной ненависти соседей грозили со всех сторон опасности. Варварские племена не хотели быть рабами, но стремились восстановить искони существовавшую у них царскую власть; что же касается Греции, то Филипп, покоривший ее силой оружия, не успел принудить греков смириться и покорно нести свое бремя. Филипп только перевернул и смешал там все, оставив страну в великом разброде и волнении, вызванном непривычным порядком вещей. Все это внушало македонянам опасения, и они считали, что Александру вовсе не следует вмешиваться в дела Греции и прибегать там к насилию, а восставших варваров надо привести к покорности, не обращаясь к жестоким мерам и ста-

раясь пресекать попытки к перевороту в самом зародыше. Александр придерживался противоположного мнения и стремился добиться безопасности и спасти положение дерзостью и неустранимостью, так как полагал, что, прояви он хоть малейшую уступчивость, и все враги тотчас на него набросятся. Волнениям среди варваров и войнам в их землях он сразу же положил конец, быстро пройдя с войском вплоть до реки Истра, где он в большой битве разбил царя трибаллов Сирма. Узнав, что фиванцы восстали и что афиняне в союзе с ними, Александр немедленно повел свои войска через Фермопилы и объявил, что он хочет, чтобы Демосфен, который назвал его мальчиком, когда он воевал с иллирийцами и трибаллами, и подростком, когда он достиг Фессалии, увидел его мужчиной под стенами Афин. Подойдя к Фивам, Александр, желая еще раз дать жителям возможность раскаяться в содеянном, потребовал выдать только Феника и Протита и обещал безнаказанность тем, кто перейдет на его сторону. Фиванцы, с своей стороны, потребовали выдачи Филота и Антипатра и призвали тех, кто хочет помочь освобождению греков, перейти на их сторону. Тогда Александр приказал македонянам начать сражение. Фиванцы бились с мужеством и доблестью, превышавшими их силы, оказывая сопротивление врагу во много раз более многочисленному. Однако, когда македонский гарнизон, занимавший Кадмею, выйдя из крепости, напал на них с тыла, большинство фиванцев попало в окружение и погибло в битве. Город был взят, разграблен и стерт с лица земли. Александр рассчитывал, что греки, потрясенные таким бедствием, впредь из страха будут сохранять спокойствие; кроме того, он оправдывал свои действия тем, что удовлетворил своих союзников, ибо фокейцы и платейцы выдвигали против фиванцев ряд обвинений. Пощадив только жрецов, граждан, связанных с македонянами узами гостеприимства, потомков Пиндара, а также тех, кто голосовал против восстания, Александр продал всех остальных в рабство, а их оказалось более тридцати тысяч. Убитых было более шести тысяч. <...>

13. Александр заключил мир с афинянами, несмотря на то, что они проявили большое сочувствие к бедствию, постигшему Фивы: уже начав справлять таинства, они в знак траура отменили праздник и оказали всяческую поддержку беглецам из Фив. То ли потому, что Александр, подобно льву, уже насытил свой гнев, то ли потому, что он хотел противопоставить жесточайшему и бесчеловечнейшему деянию милосердный поступок, однако царь не только простил афинянам все их провинности, но даже дал им наказ внимательно следить за положением дел в стране: по его мысли, в том случае если бы с ним случилась беда, именно Афинам предстояло править Грецией.

Перевод М.Н. Ботвинника, И.А. Перельмутера

Вопросы по тексту источника:

1. Как обстояли дела в Македонии и в завоеванных областях в момент воцарения Александра?
2. Как было подавлено восстание фиванцев?

Начало Восточного похода. Битва при Гранике.

Плутарх. Александр.

15. Войско Александра состояло, по сообщению тех, которые указывают наименьшее число, из тридцати тысяч пехотинцев и четырех тысяч всадников, а по сведениям тех, которые называют наибольшее, — из сорока трех тысяч пехотинцев и пяти тысяч всадников. Средств на содержание войска у Александра было, как сообщает Аристокл, не более семидесяти талантов, по словам Дурида, продовольствия было только на тридцать дней, кроме того, по сведениям Онесикрита, царь задолжал двести талантов. Несмотря на то, что при выступлении Александр располагал столь немногим и был так стеснен в средствах, царь прежде, чем взойти на корабль, разузнал об имущественном положении своих друзей и одного наделил поместьем, другого — деревней, третьего — доходами с какого-нибудь поселения или гавани. <...> С такой решимостью и таким образом мыслей Александр переправился через Геллеспонт. <...>

16. Между тем полководцы Дария собрали большое войско и построили его у переправы через Граник. Сражение было неизбежно, ибо здесь находились как бы ворота Азии, и, чтобы начать вторжение, надо было биться за право входа. Однако многих пугала глубина реки, обрывистость и крутизна противоположного берега, который предстояло брать с боем. Некоторые полагали также, что следует считаться с обычаем, установившимся в отношении месяца десяти: в этом месяце македонские цари обыкновенно не начинали походов. Однако Александр поправил дело, приказав называть этот месяц вторым артемисием. Пармениону, который настаивал на том, что в такое позднее время дня переправа слишком рискованна, Александр ответил, что ему будет стыдно перед Геллеспонтом, если, переправившись через пролив, он убоится Граника, и с тринадцатью илами всадников царь бросился в реку. Он вел войско навстречу неприятельским копьям и стрелам на обрывистые скалы, усеянные пехотой и конницей врага, через реку, которая течением сносила коней и накрывала всадников с головой, и казалось, что им руководит не разум, а безрассудство и что он действует, как безумец. Как бы то ни было, Александр упорно продолжал переправу и ценой огромного напряжения сил овладел противоположным берегом, мокрым и скользким, так как почва там была глинистая. Тотчас пришлось начать беспорядочное сражение, воины по одному вступали в рукопашный бой с наступавшим противником, пока, наконец, удалось построить войско хоть в какой-то боевой порядок. Враги нападали с криком, направляя конницу против конницы; всадники пускали в ход копья, а когда копья сломались, стали биться мечами. Многие устремились на Александра, которого легко было узнать по щиту и по султану на шлеме: с обеих сторон султана было по перу удивительной величины и белизны. Пущенный в царя дротик пробил сгиб панциря, но тела не коснулся. Тут на Александра одновременно бросились два персидских военачальника, Ресак и Спифридат. От одного царь увернулся, а на Ресака напал первым и ударил его копьем, но копье от удара о панцирь сломалось, и Александр взялся за меч. Спифридат, остановив коня сбоку от сражавшихся и быстро приподнявшись в седле, нанес Александру удар персидской саблей. Гребень шлема с одним из перьев отлетел и шлем едва выдержал удар, так что острие сабли коснулось волос Александра. Спифридат снова приподнялся, но перса опередил Клит, по прозвищу Черный, пронзив его насквозь копьем. Одновременно упал и Ресак, пораженный мечом Александра.

Пока конница Александра вела этот опасный бой, македонская фаланга переправилась через реку и сошлась с пехотой противника. Персы сопротивлялись вяло и недолго; в скором времени все, кроме греческих наемников, обратились в бегство. Эти последние, сомкнув ряды у подножья какого-то холма, были готовы сдаться при условии, если Александр обещает им безопасность. Однако, руководясь скорее гневом, чем расчетом, Александр напал на них первым и при этом потерял своего коня, пораженного в бок мечом (это был не Букефал, а другой конь). Именно в этой схватке больше всего македонян было ранено и убито, так как сражаться пришлось с людьми воинственными и отчаявшимися в спасении. Передают, что варвары потеряли двадцать тысяч пехотинцев и две тысячи пятьсот всадников. Аристобул сообщает, что в войске Александра погибло всего тридцать четыре человека, из них девять пехотинцев. Александр приказал воздвигнуть бронзовые статуи погибших; статуи эти изваял Лисипп. Разделяя часть победы с греками, царь особо выделил афинянам триста захваченных у врага щитов, а на остальной добыче приказал от имени всех победителей сделать гордую надпись: «Александр, сын Филиппа, и греки, за исключением лакедемонян, взяли у варваров, населяющих Азию». Кубки, пурпурные ткани и другие вещи подобного рода, захваченные у персов, за небольшим исключением, Александр отослал матери.

17. Это сражение сразу изменило положение дел в пользу Александра, и он занял Сарды — главную твердыню приморских владений варваров. Многие города и области также подчинились ему, сопротивление оказали только Галикарнас и Милет. Овладев силой этими городами и подчинив окрестные земли, Александр стал думать, что делать дальше, и много раз менял свои решения: то он хотел поскорее встретиться с Дарием для

решающей битвы, то останавливался на мысли сперва воспользоваться богатствами приморских областей и лишь потом, усилившись, идти против царя.

Перевод М.Н. Ботвинника и И.А. Перельмутера

Вопросы по тексту источника:

1. Какова была, по сообщению Плутарха, численность армии Александра? Насколько войско было готово к походу?
2. Почему именно у Граника произошло первое столкновение войск Дария III и Александра?
3. Опираясь на данные источника, опишите ход битвы.
4. В чем состояло значение победы Александра в этом сражении?

Битва при Иссе

Плутарх. Александр.

18. После этого царь покорил оказавших ему сопротивление жителей Писидии и занял Фригию. Взяв город Гордий, о котором говорят, что он был родиной древнего царя Мидаса, Александр увидел знаменитую колесницу, дышло которой было скреплено с ярмом кизиловой корою, и услышал предание (в истинности его варвары были вполне убеждены), будто тому, кто развяжет узел, закреплявший ярмо, суждено стать царем всего мира. Большинство писателей рассказывает, что узел был столь запутанным, а концы так искусно запряганы, что Александр не сумел его развязать и разрубил мечом; тогда в месте разруба обнаружились многочисленные концы креплений. Но по рассказу Аристобула, Александру легко удалось разрешить задачу и освободить ярмо, вынув из переднего конца дышла крюк — так называемый «гестор» [héstōr], которым закрепляется ярменный ремень.

Вскоре после этого, подчинив Пафлагонию и Каппадокию, Александр узнал о смерти Мемнона, от которого, более чем от любого из полководцев Дария в приморских областях, можно было ждать бесчисленных хлопот и затруднений. Это известие еще больше укрепило Александра в его намерении совершить поход в глубь страны. <...>

19. Узнав о длительном пребывании Александра в Киликии, Дарий счел это признаком трусости, что еще больше ободрило его. В действительности же причиной задержки была болезнь царя, вызванная по мнению одних переутомлением, а по мнению других — простудой после купанья в ледяной воде реки Кидна. <...>

20. В войске Дария находился бежавший со своей родины македонянин по имени Аминт, хорошо знавший характер Александра. Видя, что Дарий намеревается идти на Александра узкими горными проходами, Аминт посоветовал персидскому царю оставаться на месте, чтобы дать сражение на широких, открытых равнинах и использовать свое значительное численное превосходство. Дарий ответил, что боится, как бы враги не обратились в бегство и Александр от него не ускользнул. «Этого, царь, — сказал Аминт, — ты можешь не опасаться. Александр обязательно пойдет против тебя и, наверно, уже идет». Однако Аминт не сумел убедить царя, и Дарий, снявшись с лагеря, направился в Киликию, а Александр в это же время двинул свои войска на персов в Сирию. Ночью оба войска разминувшись, и каждое точас повернуло назад. Александр, обрадованный счастливой случайностью, спешил захватить персов в горных проходах, а Дарий стремился вывести свою армию из теснин и вернуться в прежний лагерь. Он уже осознал, что совершил ошибку, вступив в эту сильно пересеченную местность, зажатую между морем и горами, разделенную посередине рекой Пинаром и неудобную для конницы, но очень выгодную для действий малочисленных сил врага. Отличную позицию Александру предоставила судьба, но победу ему обеспечило скорее искусное командование, чем слепое счастье. Несмотря на то, что его силы значительно уступали численностью силам варваров, Александр не дал себя окружить, напротив, обойдя своим правым крылом левое крыло вражеского войска, он ударил персам во фланг и обратил стоявших против него варваров в бегство. Сражаясь в первых рядах, Александр был ранен мечом в бедро, как сообщает Харет, самим Дарием, ибо дело дошло до рукопашной схватки между ними. Но Александр, рас-

сказывая об этой битве в письме к Антипатру, не называет того, кто нанес ему рану. Он пишет, что был ранен в бедро кинжалом, но что ранение не было опасным.

Александр одержал блестящую победу, уничтожил более ста десяти тысяч врагов, но не смог захватить Дария, который, спасаясь бегством, опередил его на четыре или пять стадиев. <...>

21. Александр уже собрался обедать, когда ему сообщили, что взятые в плен мать, жена и две незамужние дочери Дария, увидев его колесницу и лук, зарыдали и стали бить себя в грудь, полагая, что царь погиб. Долгое время Александр молчал: несчастья семьи Дария волновали его больше, чем собственная судьба. Наконец, он отправил Леоннату, поручив ему сообщить женщинам, что Дарий жив, а им нечего бояться Александра, ибо войну за верховное владычество он ведет только с Дарием, им же будет предоставлено все то, чем они пользовались прежде, когда еще правил Дарий.

Перевод М.Н. Ботвинника и И.А. Перельмутера

Вопросы по тексту источника:

1. Каким было соотношение сил в битве при Иссе? Опишите ход сражения.
2. В чем состояло значение этого сражения?

Осада Тира

Плутарх. Александр.

24. <...> Александр, однако, решил сперва покорить приморские области. Тотчас к нему с изъявлением покорности явились цари Кипра. Вся Финикия также покорилась — за исключением Тира. Александр осаждал Тир в течение семи месяцев: он насыпал валы, соорудил военные машины и запер город со стороны моря флотом в двести триер. Во время осады Александр увидел во сне, что Геракл протягивает ему со стены руку и зовет его к себе. В то же время многим жителям Тира приснилось, будто Аполлон сказал, что он перейдет к Александру, так как ему не нравится то, что происходит в городе. Тогда, словно человека, пойманного с поличным при попытке перебежать к врагу, тирийцы опутали огромную статую бога веревками и пригвоздили ее к цоколю, обзывая Аполлона «александристом». Александру приснился еще один сон: он увидел сатира, который издали заигрывал с ним, но увертывался и убегал, когда царь пытался его схватить, и дал себя поймать лишь после долгой погони и уговоров. Прорицатели убедительно истолковали этот сон, разделив слово «сатир» на две части: «Са» [твой] и «Тир». И сейчас показывают источник, возле которого Александр в сновидении гонялся за сатиром. <...>

25. Осада Тира закончилась так. После многочисленных сражений Александр основным своим силам предоставил отдых, но, чтобы не давать покоя врагу, посылал небольшие отряды к городским стенам. В эти дни прорицатель Аристандр заклал жертву и, рассмотрев внутренности, смело объявил присутствовавшим, что город непременно будет взят еще в этом месяце. Слова предсказателя были встречены смехом и шутками — ведь шел как раз последний день месяца. Увидев, что прорицатель оказался в затруднительном положении, Александр, который всегда покровительствовал гаданиям, приказал считать этот день не тридцатым, а двадцать восьмым. Затем, приказав протрубить сигнал, он начал штурмовать стены Тира более решительно, чем первоначально намеревался. Атака была столь ожесточенной, что даже оставленные в лагере не усидели на месте и бросились на помощь. Тирийцы прекратили сопротивление, и город был взят в тот же самый день.

Перевод М.Н. Ботвинника и И.А. Перельмутера

Вопросы по тексту источника:

1. Какие территории подчинились Александру без боя?
2. Каким образом происходила осада Тира?

Обожествление Александра

Плутарх. Александр.

26. После этого, приказав надзирателям следить за построжкой, Александр отправился к храму Аммона. Дорога туда была длинная, тяжелая и утомительная. Более всего путникам грозили две опасности: отсутствие воды, ибо много дней они шли пустыней, и свирепый южный ветер, который обрушивался на них среди зыбучих, бесконечных песков. Говорят, что когда-то в древности этот ветер воздвиг вокруг войска Камбиза огромный песчаный вал и, приведя в движение всю пустыню, засыпал и погубил пятьдесят тысяч человек. Все это было заранее известно почти всем, но, если Александр ставил перед собой какую-либо цель, удержать его было невозможно. Ибо судьба, покровительствовавшая его устремлениям, делала его упрямым. Он не только ни разу не был побежден врагами, но даже оказывался сильнее пространства и времени; это поощряло его и без того пылкое честолюбие и увлекало на осуществление самых пылких замыслов.

27. Помощь, которую оказывало божество Александру в этом трудном походе, внушила людям больше веры в него, чем оракулы, полученные позднее; мало того, именно эта помощь, пожалуй, и породила доверие к оракулам. Начать с того, что посланные Зевсом обильные и продолжительные дожди освободили людей от страха перед муками жажды. Дожди охладили раскаленный песок, сделав его влажным и твердым, и очистили воздух, так что стало легко дышать. Затем, когда оказалось, что вежи, расставленные в помощь проводникам, уничтожены и македоняне блуждали без дороги, теряя друг друга, вдруг появились вороны и стали указывать путь. Они быстро летели впереди, когда люди шли за ними следом, и поджидали медливших и отстававших. Самое удивительное, как рассказывает Каллисфен, заключалось в том, что ночью птицы криком призывали сбившихся с пути и каркали до тех пор, пока люди снова не находили дорогу.

Когда пустыня осталась позади и царь подошел к храму, жрец Аммона, обратившись к Александру, сказал ему, что бог Аммон приветствует его как своего сына. Царь спросил, не избег ли наказания кто-либо из убийц его отца. Но жрец запретил Александру кощунствовать и сказал, что отец его — не из числа смертных. Тогда царь изменил форму вопроса и осведомился, все ли убийцы Филиппа понесли наказание, а затем спросил о себе, будет ли ему дано стать властителем всех людей. Бог ответил, что это будет ему дано и что Филипп отомщен полностью. Царь принес богу великолепные дары, а людям роздал деньги.

Так пишет об ответах оракула большинство историков. Сам же Александр в письме к матери говорит, что он получил некие тайные предсказания, о которых по возвращении расскажет ей одной. Некоторые сообщают, что жрец, желая дружески приветствовать Александра, обратился к нему по-гречески: «О пайдион!» («О, дитя!»), но из-за своего варварского произношения выговорил «с» вместо «н», так что получилось «О пайдиос!» («О, сын Зевса!»). Александру пришлось по душе эта оговорка, а отсюда ведет начало рассказ о том, что бог назвал его сыном Зевса. Говорят также, что Александр слушал в Египте Псаммона; из всего сказанного философом ему больше всего понравилась мысль о том, что всеми людьми управляет бог. Ибо руководящее начало в каждом человеке — божественного происхождения. Сам Александр по этому поводу судил еще более мудро и говорил, что бог — это общий отец всех людей, но что он особо приближает к себе лучших из них.

28. Вообще Александр держал себя по отношению к варварам очень гордо — так, словно был совершенно убежден, что он происходит от богов и сын бога; с греками же он вел себя сдержаннее и менее настойчиво требовал, чтобы его признавали богом. Правда, в письме к афинянам по поводу Самоса он пишет: «Я бы не отдал вам этот свободный и прославленный город, но уж владейте им, раз вы получили его от того, кто был тогда вашим властителем и назывался моим отцом».

Перевод М.Н. Ботвинника, И.А. Перельмутера

Вопросы по тексту источника:

1. Подумайте, какие обстоятельства могли натолкнуть Александра на идею об обожествлении собственной власти?

Битва при Гавгамелах.

Плутарх. Александр.

29. Тем временем Дарий прислал своих друзей с письмом к македонскому царю, предлагая Александру десять тысяч талантов выкупа за пленных, все земли по эту сторону Евфрата, одну из дочерей в жены, а также свою дружбу и союз. Когда Александр сообщил об этом предложении приближенным, Парменион сказал: «Будь я Александром, я принял бы эти условия». «Клянусь Зевсом, я сделал бы так же, — воскликнул Александр, — будь я Парменионом!» Дарию же Александр написал, что тот может рассчитывать на самый радушный прием, если явится к македонянам; в противном случае он сам пойдет на персидского царя.

30. Вскоре, однако, он пожалел об этом ответе, так как жена Дария умерла родами. Александр не скрывал своего огорчения тем, что упустил благоприятный случай проявить великодушие. Он приказал похоронить царицу со всей пышностью, не жалея никаких расходов. Тирей, один из евнухов, которые были захвачены вместе с персидскими женщинами, бежал из македонского лагеря и, проделав долгий путь верхом, добрался до Дария, чтобы сообщить ему о смерти жены. Громко зарыдав, царь стал бить себя по голове и воскликнул: «О, злой рок персов! Жена и сестра царя живой попала в руки врага, а скончавшись, была лишена царского погребения!» «Но, царь, — перебил его евнух, — что касается похорон и подобающих царице почестей, у тебя нет оснований жаловаться на злую судьбу персов. Ни госпоже моей Статире, пока она была жива, ни твоей матери, ни дочерям не пришлось ни в чем нуждаться. Они пользовались всеми теми благами и преимуществами, что и прежде, за исключением только возможности видеть исходящий от тебя свет, который, по воле владыки Оромазда, вновь воссияет в былом блеске. Когда же Сатира умерла, не было таких почестей, которых бы ей не воздали, и даже враги оплакивали ее. Ведь Александр столь же милостив к побежденным, сколь страшен в битве».<...>

31. Великая битва с Дарием произошла не под Арбелами, как пишут многие, а под Гавгамелами. Название это на местном наречии означает «Верблюжий дом», так как один из древних царей, спасшись от врагов на одногорбом верблюде, поместил его здесь и назначил на его содержание доходы с нескольких деревень.

В месяце боэдромионе, приблизительно в то время, когда в Афинах начинают справлять таинства, произошло лунное затмение. На одиннадцатую ночь после затмения, когда оба войска находились уже на виду друг у друга, Дарий приказал воинам оставаться в строю и при свете факелов устроил смотр. Александр же, пока македоняне спали, вместе с предсказателем Аристандром совершал перед своей палаткой какие-то тайные священные обряды и приносил жертвы богу Фобу. Вся равнина между Нифатом и Гордийскими горами была освещена огнями варварского войска, из лагеря персов доносился неясный гул, подобный шуму безбрежного моря. Старейшие из приближенных Александра, и в особенности Парменион, были поражены многочисленностью врага и говорили друг другу, что одолеть такое войско в открытом бою было бы слишком трудным делом. Подойдя к царю, только что закончившему жертвоприношения, они посоветовали Александру напасть на врагов ночью, чтобы темнотою было скрыто то, что в предстоящей битве может внушить наибольший страх македонянам. Знаменитый ответ Александра: «Я не краду победу» — показался некоторым чересчур легкомысленным и неуместным перед лицом такой опасности. Другие считали, что Александр твердо уповал на свои силы и правильно предвидел будущее. Он не хотел, чтобы Дарий, обвинявший в прежней неудаче горы, теснины и море, усмотрел причину своего нынешнего поражения в ночном времени и темноте и отважился бы еще на одну битву. Александр понимал, что Дарий, располагающий

столь великими силами и столь обширной страной, из-за недостатка людей или вооружения войны не прекратит, но сделает это только тогда, когда побежденный в открытом сражении, потеряет мужество и утратит надежду.

32. <...> Не только перед битвой, но и в разгар сражения Александр проявил себя великим воином, никогда не теряющим мужества и присутствия духа. В бою левый фланг, находившийся под командованием Пармениона, стал в беспорядке отступать, теснимый бактрийской конницей, которая с шумом и криком стремительно ударила на македонян, в то время как всадники Мазэя обошли фалангу и напали на охрану обоза. Парменион через гонцов сообщил Александру, что лагерь и обоз будут потеряны, если царь немедленно не пришлет тыловым отрядам сильное подкрепление, сняв для этого часть войск с передней боевой линии. Как раз в это время Александр подавал окружающим его воинам сигнал к наступлению. Услышав просьбу о помощи, он воскликнул, что Парменион, наверное, не в своем уме, если в расстройстве и волнении забыл, что победителям достанется все имущество врагов, а побежденным следует заботиться не об имуществе и рабах, а о том, чтобы храбро сражаясь, со славой принять смерть.

Приказав передать это Пармениону, Александр надел шлем. Все остальные доспехи он надел еще в палатке: сицилийской работы гипендим с поясом, а поверх нее двойной льняной панцирь, взятый из захваченной при Иссе добычи. Железный шлем работы Феофила блеснул так, словно был из чистого серебра. К нему был прикреплен усыпанный драгоценными камнями железный щиток, защищавший шею. Александр носил меч, подарок царя китийцев, удивительно легкий и прекрасной закалки; в сражениях меч обычно был его главным оружием. Богаче всего был плащ, который царь носил поверх доспехов. Это одеяние работы Геликона Старшего Александру подарили в знак уважения жители города Родоса, и он, готовясь к бою, всегда надевал его. Устанавливая боевой порядок, отдавая приказы, одобряя воинов и проверяя их готовность, Александр объезжал строй не на Букефале, а на другом коне, ибо Букефал был уже немолод и его силы надо было щадить. Но перед самым боем к царю подводили Букефала, и, вскочив на него, Александр тотчас начинал наступление.

33. Долгий разговор с фессалийцами и остальными греками, которые с громким криком призывали его вести их на варваров, придавал Александру еще больше твердости и, взяв копье в левую руку, а правую подняв вверх, он, как рассказывает Каллисфен, обратился к богам с мольбой, чтобы они, если он действительно сын Зевса, помогли грекам и вдохнули в них мужество. Прорицатель Аристандр в белом одеянии и золотом венке, скакавший рядом с царем, показал на орла, парившего над головой Александра и летевшего прямо в сторону врагов. Все видевшие это воодушевились. Воины ободряли друг друга, и фаланга, вслед за конницей, хлынула на врага. Варвары отступили прежде, чем передние ряды успели завязать бой. Яростно преследуя разбитого врага, Александр теснил персов к центру неприятельского расположения, где находился сам Дарий. Александр приметил его издали, сквозь передние ряды персидских воинов, — Дарий стоял на высокой колеснице в середине царского отряда, рослый и красивый, окруженный множеством всадников в блестящем вооружении, сомкнувшихся вокруг его колесницы и готовых встретить врага. Однако чем ближе был Александр, тем более приходили они в смятение: гоня перед собой отступающих, разбивая строй тех, кто еще держался, он устрасил и рассеял почти всех телохранителей Дария. Только самые смелые и благородные бились за своего царя до последнего вздоха; падая друг на друга, они затрудняли преследование, судорожно вцепляясь во вражеских всадников и их коней. Это страшное зрелище развертывалось на глазах у Дария, и окружавшие царя персидские воины уже гибли у самых его ног. Но повернуть колесницу и выехать на ней было невозможно, так как множество мертвых тел не давало колесам сдвинуться с места, а кони, почти скрытые под грудой трупов, становились на дыбы, делая возницу совершенно беспомощным. Бросив оружие и колесницу, Дарий, как рассказывают, вскочил на недавно ожеребившуюся кобылу и бежал. По-видимому, ему не удалось бы на этот раз скрыться, если бы снова не прискакали гонцы от Пармениона, при-

зывая Александра на помощь, ибо на их фланге значительные силы врагов еще не были сломлены и оказывали сопротивление. Вообще Пармениона обвиняют в том, что в этой битве он был медлителен и бездеятелен, — то ли под старость в нем не было уже прежней отваги, то ли, как утверждает Каллисфен, он тяготился возрастающей властью и могуществом Александра и завидовал ему. Раздосадованный тем, что Парменион требует помощи, Александр, не сообщая воинам правды о положении дел, подал сигнал прекратить преследование, будто бы потому, что наступила темнота и пора положить конец кровопролитию. Устремившись к той части войска, которая находилась в опасности, Александр по пути узнал, что враги полностью разбиты и обращены в бегство.

34. Такой исход битвы, казалось, окончательно сломил могущество персов. Провозглашенный царем Азии, Александр устраивал пышные жертвоприношения, раздаривал своим друзьям богатства, дворцы, отдавал им в управление целые области. Стремясь заслужить уважение греков, Александр написал им, что власть тираннов должна быть повсюду уничтожена и все государства становятся свободными и независимыми.

Перевод М.Н. Ботвинника, И.А. Перельмутера

Вопросы по тексту источника:

1. На каких условиях Дарий предложил мир Александру?
2. Опишите ход битвы при Гавгамелах. Каковы были результаты и значение этого сражения?

Вторжение в Персиду. Сожжение Персеполя.

Плутарх. Александр.

36. Александр овладел Сузами, где нашел в царском дворце сорок тысяч талантов в чеканной монете, а также различную утварь и бесчисленные сокровища. Обнаружили там, как рассказывают, и пять тысяч талантов гермионского пурпура, пролежавшего в сокровищнице сто девяносто лет, но все еще сохранявшего свежесть и яркость. Это было возможно, как полагают, благодаря тому, что краску для багряных тканей изготавливают на меду, а для белых — на белом масле, а мед и масло надолго придают тканям чистый и яркий блеск. Динон рассказывает, что персидские цари хранили в своей сокровищнице сосуды с водой, привезенной из Нила и из Истра, что должно было свидетельствовать об огромных размерах персидской державы и могуществе власти, покорившей себе весь мир.

37. Вторжение в Персиду было связано с большими трудностями, так как места там горные, малодоступные; к тому же страну обороняли знатнейшие персы (сам Дарий обратился в бегство). Но у Александра оказался проводник, который повел войско в обход, кратчайшим путем. Человек этот владел двумя языками, так как по отцу был ликийцем, а по матери — персом. <...> Сам Александр пишет, что отдал приказ умертвить пленных, ибо считал это полезным для себя. Рассказывают, что денег там было найдено столько же, сколько в Сузах, а сокровища и драгоценности были вывезены оттуда на десяти тысячах повозок, запряженных мулами, и на пяти тысячах верблюдов.

Увидев большую статую Ксеркса, опрокинутую толпой, беспорядочно стекавшейся в царский дворец, Александр остановился и, обратившись к статуе, как к живому человеку, сказал: «Оставить ли тебя лежать здесь за то, что ты пошел войной на греков, или поднять тебя за величие духа и доблесть, проявленные тобой в других делах?» Простояв долгое время в раздумье, Александр молча отошел. Желая дать отдых своим воинам, — а время было зимнее, — он провел там четыре месяца.

Рассказывают, что, когда он в первый раз сел под шитый золотом балдахин на царский трон, коринфянин Демарат, преданный друг Филиппа и Александра, по-стариковски заплакал и сказал: «Какой великой радости лишились те из греков, которые умерли, не увидав Александра восседающим на троне Дария!»

38. Однажды, перед тем как снова пуститься в погоню за Дарием, Александр пировал и веселился с друзьями. В общем веселье вместе со своими возлюбленными принима-

ли участие и женщины. Среди них особенно выделялась Фаида, родом из Аттики, подруга будущего царя Птолемея. То умно прославляя Александра, то подшучивая над ним, она, во власти хмеля, решилась произнести слова, вполне соответствующие нравам и обычаям ее родины, но слишком возвышенные для нее самой. Фаида сказала, что в этот день, глумясь над надменными чертогами персидских царей, она чувствует себя вознагражденной за все лишения, испытанные ею в скитаниях по Азии. Но еще приятнее было бы для нее теперь же с веселой гурьбой пирующих пойти и собственной рукой на глазах у царя поджечь дворец Ксеркса, предавшего Афины губительному огню. Пусть говорят люди, что женщины, сопровождавшие Александра, сумели отомстить персам за Грецию лучше, чем знаменитые предводители войска и флота. Слова эти были встречены гулом одобрения и громкими рукоплесканиями. Побуждаемый упорными настояниями друзей, Александр вскочил с места и с венком на голове и с факелом в руке пошел впереди всех. Последовавшие за ним шумной толпой окружили царский дворец, сюда же с великой радостью сбежались, неся в руках факелы, и другие македоняне, узнавшие о происшедшем. Они надеялись, что, раз Александр хочет поджечь и уничтожить царский дворец, значит, он помышляет о возвращении на родину и не намеревается жить среди варваров. Так рассказывают об этом некоторые, другие же утверждают, будто поджог дворца был здраво обдуман заранее. Но все сходятся в одном: Александр вскоре одумался и приказал потушить огонь

Перевод М.Н. Ботвинника, И.А. Перельмутера

Вопросы по тексту источника:

1. Какие препятствия встретил Александр на пути в Персеиду?
2. Подумайте, какими мотивами руководствовался Александр, сжигая Персеполь. Было ли это спонтанное или продуманное решение?

Преследование Дария и Бесса.

Конфликты Александра с македонской знатью.

Плутарх. Александр.

41. Возлагая труды на себя и побуждая к доблести других, Александр не избегал никаких опасностей, а его друзья, разбогатев и возгордившись, стремились только к роскоши и безделью, они стали тяготиться скитаниями и походами и постепенно дошли до того, что осмеливались порицать царя и дурно отзываться о нем. Сначала Александр относился к этому очень спокойно, он говорил, что царям не в диковину слышать хулу в ответ на свои благодеяния. Действительно, даже самое малое из того, что он сделал для своих приближенных, свидетельствовало о его большой любви и уважении к ним. Я приведу лишь несколько примеров. <...>

42. Можно только удивляться тому, сколько внимания уделял он своим друзьям. Он находил время писать письма даже о самых маловажных вещах, если только они касались близких ему людей. В одном письме он приказывает, чтобы был разыскан раб Селевка, бежавший в Киликию. Певкесту он выражает в письме благодарность за то, что тот поймал некоего Никона, который был рабом Кратера. Мегабизу Александр пишет о рабе, нашедшем убежище в храме: он советует Мегабизу при первой возможности выманить этого раба из его убежища и схватить вне храма, но внутри храма не трогать его. Рассказывают, что в первые годы царствования, разбирая дела об уголовных преступлениях, наказуемых смертной казнью, Александр во время речи обвинителя закрывал рукой одно ухо, чтобы сохранить слух беспристрастным и не предубежденным против обвиняемого. Позднее, однако, его ожесточили многочисленные измышления, скрывавшие ложь под личиной истины, и в эту пору, если до него доходили оскорбительные речи по его адресу, он совершенно выходил из себя, становился неумолимым и беспощадным, так как славой дорожил больше, чем жизнью и царской властью.

Намереваясь вновь сразиться с Дарием, Александр выступил в поход. Услышав о том, что Дарий взят в плен Бессом, Александр отпустил домой фессалийцев, вручив им в подарок, помимо жалованья, две тысячи талантов. Преследование было тягостным и длительным: за одиннадцать дней они проехали верхом три тысячи триста стадиев, многие воины были изнурены до предела, главным образом из-за отсутствия воды. <...>

43. Все проявили одинаковое усердие, но только шестьдесят всадников ворвалось во вражеский лагерь вместе с царем. Не обратив внимания на разбросанное повсюду в изобилии серебро и золото, проскакав мимо многочисленных повозок, которые были переполнены детьми и женщинами и катились без цели и направления, лишённые возничих, македоняне устремились за теми, кто бежал впереди, полагая, что Дарий находится среди них. Наконец, они нашли лежащего на колеснице Дария, пронзенного множеством копий и уже умирающего. Дарий попросил пить, и Полистрат принес холодной воды; Дарий, утолив жажду, сказал: «То, что я не могу воздать благодарность за оказанное мне благодеяние, — вершина моего несчастья, но Александр вознаградит тебя, а Александра вознаградят боги за ту доброту, которую он проявил к моей матери, моей жене и моим детям. Передай ему мое рукопожатие». С этими словами он взял руку Полистрата и тотчас скончался.

Александр подошел к трупу и с нескрываемою скорбью снял с себя плащ и покрыл тело Дария. Впоследствии Александр нашел Бесса и казнил его. Два прямых дерева были согнуты и соединены вершинами, к вершинам привязали Бесса, а затем деревья отпустили, и, с силою выпрямившись, они разорвали его. Тело Дария, убранный по-царски, Александр отослал его матери, а Эксатра, брата Дария, принял в свое окружение.

45. Из Гиркании Александр выступил с войсками в Парфию, и в этой стране, отдыхая от трудов, он впервые надел варварское платье, то ли потому, что умышленно подражал местным нравам, хорошо понимая, сколь подкупает людей все привычное и родное, то ли, готовясь учредить поклонение собственной особе, он хотел таким способом постепенно приучить македонян к новым обычаям. Но все же он не пожелал облачаться полностью в мидийское платье, которое было слишком уж варварским и необычным, не надел ни шаровар, ни кандия, ни тиары, а выбрал такое одеяние, в котором удачно сочеталось кое-что от мидийского платья и кое-что от персидского: более скромное, чем первое, оно было пышнее второго. Сначала он надевал это платье только тогда, когда встречался с варварами или беседовал дома с друзьями, но позднее его можно было видеть в таком одеянии даже во время выездов и приемов. Зрелище это было тягостным для македонян, но, восхищаясь доблестью, которую он проявлял во всем остальном, они относились снисходительно к таким его слабостям, как любовь к наслаждениям и показному блеску. <...>

47. Александр боялся, что македоняне падут духом и не захотят продолжать поход. Не тревожа до времени остальное войско, он обратился к тем лучшим из лучших, которые были с ним в Гиркании, — двадцати тысячам пехотинцев и трем тысячам всадников. Он говорил, что до сих пор варвары видели македонян как бы во сне, если же теперь, едва лишь приведя Азию в замешательство, македоняне решат уйти из этой страны, варвары сразу же нападут на них, как на женщин. Впрочем, тех, кто хочет уйти, он не собирается удерживать. Но пусть боги будут свидетелями, что македоняне покинули его с немногими друзьями и добровольцами на произвол судьбы, — его, который стремился приобрести для македонян весь мир. Примерно в тех же выражениях Александр пересказывает эту речь в письме к Антипатру; там же царь пишет, что, когда он кончил говорить, все воины закричали, чтобы он вел их хоть на край света. После того, как Александр добился успеха у этой части войска, было уже нетрудно убедить все остальное множество воинов, которые добровольно выразили готовность следовать за царем.

С этих пор он стал все больше приспособливать свой образ жизни к местным обычаям, одновременно сближая их с македонскими, ибо полагал, что благодаря такому смешению и сближению он добром, а не силой укрепит свою власть на тот случай, если от-

правится в далекий поход. С этой же целью он отобрал тридцать тысяч мальчиков и поставил над ними многочисленных наставников, чтобы выучить их греческой грамоте и обращению с македонским оружием. И его брак с Роксаной, красивой и цветущей девушкой, в которую он однажды влюбился, увидев ее в хороводе на пиру, как всем казалось, вполне соответствовал его замыслу, ибо брак этот сблизил Александра с варварами, и они прониклись к нему доверием и горячо полюбили его за то, что он проявил величайшую воздержанность и не захотел незаконно овладеть даже той единственной женщиной, которая покорила его. <...>

48. Филот, сын Пармениона, пользовался большим уважением среди македонян. Его считали мужественным и твердым человеком, после Александра не было никого, кто был бы столь же щедрым и отзывчивым. Рассказывают, что как-то один из его друзей попросил у него денег и Филот велел своему домоуправителю выдать их. Домоуправитель отказался, сославшись на то, что денег нет, но Филот сказал ему: «Что ты говоришь? Разве у тебя нет какого-нибудь кубка или платья?» Однако высокомерием и чрезмерным богатством, слишком тщательным уходом за своим телом, необычным для частного лица образом жизни, а также тем, что гордость свою он проявлял неумеренно, грубо и вызывающе, Филот возбудил к себе недоверие и зависть. Даже отец его, Парменион, сказал ему однажды: «Спустись-ка, сынок, пониже». У Александра он уже давно был на дурном счету. Когда в Дамаске были захвачены богатства Дария, потерпевшего поражение в Киликии, в лагерь привели много пленных. Среди них находилась женщина по имени Антигона, родом из Пидны, выделявшаяся своей красотой. Филот взял ее себе. Как это свойственно молодым людям, Филот нередко, выпив вина, хвастался перед влюбленной своими воинскими подвигами, приписывая величайшие из деяний себе и своему отцу и называя Александра мальчишкой, который им обоим обязан своим могуществом. Женщина рассказала об этом одному из своих приятелей, тот, как водится, другому, и так молва дошла до слуха Кратера, который вызвал эту женщину и тайно привел ее к Александру. Выслушав ее рассказ, Александр велел ей продолжать встречаться с Филотом и обо всем, что бы она ни узнала, доносить ему лично.

49. Ни о чем не подозревая, Филот по-прежнему бахвалился перед Антигоной и в пылу раздражения говорил о царе неподобающим образом. Но хотя против Филота выдвигались серьезные обвинения, Александр все терпеливо сносил — то ли потому, что полагался на преданность Пармениона, то ли потому, что страшился славы и силы этих людей. В это время один македонянин по имени Димн, родом из Халастры, злоумышлявший против Александра, попытался вовлечь в свой заговор юношу Никомаха, своего возлюбленного, но тот отказался участвовать в заговоре и рассказал обо всем своему брату Кебалину. Кебалин пошел к Филоту и просил его отвести их с братом к Александру, так как они должны сообщить царю о деле важном и неотложном. Филот, неизвестно по какой причине, не повел их к Александру, ссылаясь на то, что царь занят более значительными делами. И так он поступил дважды. Поведение Филота вызвало у братьев подозрение, и они обратились к другому человеку. Приведенные этим человеком к Александру, они сначала рассказали о Димне, а потом мимоходом упомянули и о Филоте, сообщив, что он дважды отверг их просьбу. Это чрезвычайно ожесточило Александра. Воин, посланный арестовать Димна, вынужден был убить его, так как Димн оказал сопротивление, и это еще более усилило тревогу Александра: царь полагал, что смерть Димна лишает его улики, необходимых для раскрытия заговора. Разгневанный на Филота, Александр привлек к себе тех людей, которые издавна ненавидели сына Пармениона и теперь открыто говорили, что царь проявляет беспечность, полагая, будто жалкий халастриец Димн по собственной почину решился на столь великое преступление. Димн, утверждали эти люди, — не более как исполнитель, вернее даже орудие, направляемое чьей-то более могущественной рукой, а истинных заговорщиков надо искать среди тех, кому выгодно, чтобы все оставалось скрытым. Так как царь охотно прислушивался к таким речам, враги возвели на Филота еще тысячи других обвинений. Наконец, Филот был схвачен и приведен на допрос. Его

подвергли пыткам в присутствии ближайших друзей царя, а сам Александр слышал все, спрятавшись за занавесом. Рассказывают, что, когда Филот жалобно застонал и стал униженно молить Гефестиона о пощаде, Александр произнес: «Как же это ты, Филот, такой слабый и трусливый, решился на такое дело?»

После смерти Филота Александр сразу же послал в Мидию людей, чтобы убить Пармениона — того Пармениона, который оказал Филиппу самые значительные услуги и который был, пожалуй, единственным из старших друзей Александра, побуждавшим царя к походу на Азию. Из трех сыновей Пармениона двое погибли в сражениях на глазах у отца, а вместе с третьим сыном погиб он сам.

Все это внушило многим друзьям Александра страх перед царем, в особенности же — Антипатру, который, тайно отправив послов к этолийцам, заключил с ними союз. Этолийцы очень боялись Александра из-за того, что они разрушили Эниады, ибо, узнав о гибели города, царь сказал, что не дети эниадян, но он сам отомстит за это этолийцам.

50. За этими событиями вскоре последовало убийство Клита. Если рассказывать о нем без подробностей, оно может показаться еще более жестоким, чем убийство Филота, но если сообщить причину и все обстоятельства его, станет ясным, что оно совершилось не предумышленно, а в результате несчастного случая, что гнев и опьянение царя лишь сослужили службу злему року Клита.

Вот как все случилось. Какие-то люди, приехавшие из-за моря, принесли Александру плоды из Греции. Восхищаясь красотой и свежестью плодов, царь позвал Клита, чтобы показать ему фрукты и дать часть из них. Клит в это время как раз приносил жертвы, но, услышав приказ царя, приостановил жертвоприношение и сразу же отправился к Александру, а три овцы, над которыми были уже совершены возлияния, побежали за ним. Узнав об этом, царь обратился за разъяснением к прорицателям — Аристандру и лакедемонянину Аристомону. Они сказали, что это дурной знак, и Александр велел как можно скорее принести умиловительную жертву за Клита. (Дело в том, что за три дня до этого Александр видел странный сон. Ему приснилось, что Клит вместе с сыновьями Пармениона сидит в черных одеждах и все они мертвы.) Но Клит не дождался конца жертвоприношения и отправился на пир к царю, который только что принес жертвы Диоскурам.

В разгаре веселого пиршества кто-то стал петь песенки некоего Праниха, — или, по словам других писателей, Пиериона, — в которых высмеивались полководцы, недавно потерпевшие поражение от варваров. Старшие из присутствовавших сердились и бранили сочинителя и певца, но Александр и окружавшие его молодые люди слушали с удовольствием и велели певцу продолжать. Клит, уже пьяный и к тому же от природы несдержанный и своевольный, негодовал больше всех. Он говорил, что недостойно среди варваров и врагов оскорблять македонян, которые, хотя и попали в беду, все же много лучше тех, кто над ними смеется. Когда Александр заметил, что Клит, должно быть, хочет оправдать самого себя, называя трусость бедою, Клит вскочил с места и воскликнул: «Но эта самая трусость спасла тебя, рожденный богами, когда ты уже подставил свою спину мечу Спифридата! Ведь благодаря крови македонян и этим вот ранам ты столь вознесся, что, отрехшись от Филиппа, называешь себя сыном Аммона!»

51. С гневом Александр отвечал: «Долго ли еще, негодяй, думаешь ты радоваться, понося нас при каждом удобном случае и призывая македонян к неповиновению?» «Да мы и теперь не радуемся, Александр, вкушая такие „сладкие“ плоды наших трудов, — возразил Клит. — Мы считаем счастливыми тех, кто умер еще до того, как македонян начали сечь мидийскими розгами, до того, как македоняне оказались в таком положении, что вынуждены обращаться к персам, чтобы получить доступ к царю». В ответ на эти дерзкие речи поднялись друзья Александра и стали бранить Клита, а люди постарше пытались уговорить спорящих. Александр же, обратившись к Ксенодоху Кардийскому и Артемию Колофонскому, сказал: «Не кажется ли вам, что греки прогуливаются среди македонян, словно полубоги среди диких зверей?» Клит не унимался, он требовал, чтобы Александр при всех высказал то, что думает, или же чтобы он больше не приглашал к себе

на пир людей свободных, привыкших говорить откровенно, а жил среди варваров и рабов, которые будут поклоняться его персидскому поясу и белому хитону.

Александр уже не мог сдерживать гнева: схватив лежавшее около него яблоко, он бросил им в Клита и стал искать свой кинжал. Но так как один из телохранителей, Аристофан, успел вовремя убрать кинжал, а все остальные окружили Александра и умоляли его успокоиться, он вскочил с места, по-македонски кликнул царскую стражу (это был условный знак крайней опасности), велел трубачу подать сигнал тревоги и ударил его кулаком, заметив, что тот медлит. Впоследствии этот трубач пользовался большим уважением за то, что благодаря его самообладанию весь лагерь не был приведен в смятение. Клита, не желавшего уступить, друзья с трудом вытолкали из пиршественного зала, но он снова вошел через другие двери, с превеликой дерзостью читая ямбы из «Андромахи» Эврипида. Тут Александр выхватил копье у одного из телохранителей и, метнув его в Клита, который отбросил дверную завесу и шел навстречу царю, пронзил дерзкого насквозь. Клит, громко застонав, упал, и гнев Александра сразу же угас. Опомнившись и увидев друзей, безмолвно стоявших вокруг, Александр вытащил из трупа копье и попытался вонзить его себе в шею, но ему помешали — телохранители схватили его за руки и насильно унесли в спальню.

52. Проведя всю ночь в рыданиях, он настолько изнемог от крика и плача, что на следующий день лежал безмолвно, испуская лишь тяжкие стоны. Друзья, напуганные его молчанием, без разрешения вошли в спальню. Но речи их не тронули Александра. Только когда прорицатель Аристандр, напомнив царю о сновидении, в котором ему явился Клит, и о дурном знамении при жертвоприношении, сказал, что все случившееся было уже давно определено судьбою, Александр, казалось, несколько успокоился.

Затем к нему привели Анаксарха из Абдер и философа Каллисфена — родственника Аристотеля. Каллисфен пытался кроткой и ласковой речью смягчить горе царя, а Анаксарх, который с самого начала пошел в философии особым путем и был известен своим презрительным отношением к общепринятым взглядам, подойдя к Александру, воскликнул: «И это Александр, на которого смотрит теперь весь мир! Вот он лежит, рыдая, словно раб, страшась закона и порицания людей, хотя он сам должен быть для них и законом и мерою справедливости, если только он победил для того, чтобы править и повелевать, а не для того, чтобы быть прислужником пустой молвы. Разве ты не знаешь, — продолжал он, — что Зевс для того посадил с собой рядом Справедливость и Правосудие, дабы всё, что ни совершается повелителем, было правым и справедливым?» Такими речами Анаксарх несколько успокоил царя, но зато на будущее время внушил ему еще большую надменность и пренебрежение к законам. Пользуясь расположением Александра, Анаксарх усилил его неприязнь к Каллисфену, которого царь и прежде-то недолюбливал за строгость и суровость. Рассказывают, что однажды на пиру, когда разговор зашел о временах года и погоде, Каллисфен, разделявший взгляды тех, которые считают, что в Азии холоднее, чем в Греции, в ответ на возражения Анаксарха сказал так: «Ты-то уж должен был бы согласиться с тем, что здесь холодней, чем в Греции. Там ты всю зиму ходил в изношенном плаще, а здесь лежишь, укрывшись тремя коврами». После этого Анаксарх стал еще больше ненавидеть Каллисфена.

53. Другим софистам и льстецам Каллисфен был также ненавистен, ибо юноши любили его за красоту речей, а пожилым людям он в неменьшей мере был приятен тем, что вел жизнь безупречную, чистую, чуждую искательства. Его жизнь неопровержимо доказывала, что он не уклонялся от истины, когда говорил, что отправился за Александром лишь затем, чтобы восстановить свой родной город и вернуть туда жителей. Ненавидимый из-за своей славы, он и поведением своим давал врагам пищу для клеветы, ибо большей частью отклонял приглашения к царскому столу, а если и приходил, то своей суровостью и молчанием показывал, что он не одобряет происходящего. Рассказывают, что однажды на царском пиру при большом стечении приглашенных Каллисфену поручили произнести за кубком вина хвалебную речь в честь македонян, и он говорил на эту тему с

таким красноречием, что присутствовавшие, стоя, рукоплескали и бросали ему свои венки. Тогда Александр привел слова Эврипида о том, что прекрасно говорить о прекрасном предмете — дело нетрудное, и сказал: «Теперь покажи нам свою силу, произнеши обвинительную речь против македонян, чтобы, узнав свои ошибки, они стали лучше». Тут уже Каллисфен заговорил по-другому, в откровенной речи он предъявил македонянам многие обвинения. Он сказал, что раздор среди греков был единственной причиной успехов Филиппа и его возвышения. <...> Этой речью Каллисфен возбудил против себя лютую ненависть со стороны македонян, а Александр сказал, что Каллисфен показал не столько силу своего красноречия, сколько силу своей вражды к македонянам.

54. <...> Харет из Митилены рассказывает, что однажды на пиру Александр, отпив вина, протянул чашу одному из друзей. Тот, приняв чашу, встал перед жертвенником и, выпив вино, сначала пал ниц, потом поцеловал Александра и вернулся на свое место. Так поступили все. Когда очередь дошла до Каллисфена, он взял чашу (царь в это время отвлекся беседой с Гепестионом), выпил вино и подошел к царю для поцелуя. Но тут Деметрий, по прозвищу Фидон, воскликнул: «О царь, не целуй его, он один из всех не пал пред тобою ниц». Александр уклонился от поцелуя, а Каллисфен сказал громким голосом: «Что ж, одним поцелуем будет у меня меньше».

55. Своим поведением Каллисфен очень озлобил Александра, и тот охотно поверил Гепестиону, который сказал, что философ обещал ему пасть ниц перед царем, но не сдержал своего слова. Потом на Каллисфена обрушились Лисимах и Гагنون: они говорили, что софист расхаживает с таким гордым видом, словно он уничтожил тиранию, что отовсюду к нему стекаются зеленые юнцы, восторгающиеся им, как человеком, который один среди стольких тысяч сумел остаться свободным. Поэтому, когда был раскрыт заговор Гермолая, обвинения, которые возвели на Каллисфена его враги, представились царю вполне правдоподобными. А враги утверждали, будто на вопрос Гермолая, как стать самым знаменитым, Каллисфен ответил: «Для этого надо убить самого знаменитого». Клеветники говорили, будто Каллисфен подстрекал Гермолая к решительным действиям, убеждал его не бояться золотого ложа и помнить, что перед ним человек, столь же подверженный болезням и столь же уязвимый, как и все остальные люди. Все же никто из заговорщиков даже под самыми страшными пытками не назвал Каллисфена виновным. И сам Александр вскоре после этого написал Кратеру, Атталу и Алкету, что мальчишки во время пыток брали всю вину на себя, уверяя, что у них не было соучастников. Позднее, однако, в письме к Антипатру Александр возлагает вину и на Каллисфена: «Мальчишек, — пишет он, — македоняне побили камнями, а софиста я еще накажу, как, впрочем, и тех, кто его прислал и кто радушно принимает в своих городах заговорщиков, посягающих на мою жизнь». Здесь Александр явно намекает на Аристотеля, ибо Каллисфен был его родственником, сыном его двоюродной сестры Геро, и воспитывался в его доме. Некоторые сообщают, что Александр повесил Каллисфена, а другие — что Каллисфен умер в тюрьме от болезни. Харет рассказывает, что Каллисфена семь месяцев держали в оковах, под стражей, чтобы позднее судить его в большом собрании, в присутствии Аристотеля, но как раз в те самые дни, когда Александр был ранен в Индии, Каллисфен умер от ожирения и вшивой болезни.

Перевод М.Н. Ботвинника, И.А. Перельмутера

Вопросы по тексту источника:

1. Каким образом Александру удалось настигнуть Дария? Как он поступил с персидским царем и с Бессом?
2. В чем проявилось стремление Александра наладить контакты с местной знатью?
3. В чем были причины недовольства македонской знати? Расскажите о конфликтах Александра с Филотой и Парменионом, Клитом, Каллисфеном.

Индийский поход.

Плутарх. Александр.

57. Александр намеревался отправиться в Индию, но, видя, что из-за огромной добычи войско отяжелело и стало малоподвижным, однажды на рассвете велел нагрузить повозки и сначала сжег те из них, которые принадлежали ему самому и его друзьям, а потом приказал поджечь повозки остальных македонян. Оказалось, что отважиться на это дело было гораздо труднее, чем совершить его. Лишь немногие были огорчены, большинство же, раздав необходимое нуждающимся, в каком-то порыве восторга с криком и шумом принялось сжигать и уничтожать все излишнее. Это еще более воодушевило Александра и придало ему твердости. В ту пору он был уже страшен в гневе и беспощаден при наказании виновных. Одного из своих приближенных, некоего Менандра, назначенного начальником караульного отряда в какой-то крепости, Александр приказал казнить только за то, что тот отказался там остаться. Орсодата, изменившего ему варвара, он собственной рукой застрелил из лука. <...>

59. Таксил, как сообщают, владел в Индии страной, по размерам не уступавшей Египту, к тому же плодородной и богатой пастбищами, а сам он был человек мудрый. Приветливо приняв Александра, он сказал ему: «Зачем нам воевать друг с другом, Александр, — ведь ты же не собираешься отнять у нас воду и необходимые средства к жизни, ради чего только и стоит сражаться людям разумным? Всем остальным имуществом я охотно поделюсь с тобою, если я богаче тебя, а если беднее — с благодарностью приму дары от тебя». С удовольствием выслушав эту речь, Александр протянул Таксилу правую руку и сказал: «Не думаешь ли ты, что благодаря этим радушным словам между нами не будет сражения? Ты ошибаешься. Я буду бороться с тобой благодеяниями, чтобы ты не превзошел меня своей щедростью». Приняв богатые дары от Таксила, Александр преподнес ему дары еще более богатые, а потом подарил тысячу талантов в чеканной монете. Этот поступок очень огорчил его друзей, но зато привлек к нему многих варваров.

Храбрейшие из индийцев-наемников, переходившие из города в город, сражались отчаянно и причинили Александру немало вреда. В одном из городов Александр заключил с ними мир, а когда они вышли за городские стены, царь напал на них в пути и, захватив в плен, перебил всех до одного. Это единственный позорный поступок, пятнающий поведение Александра на войне, ибо во всех остальных случаях Александр вел военные действия в согласии со справедливостью, истинно по-царски. Не меньше хлопот доставили Александру индийские философы, которые порицали царей, перешедших на его сторону, и призывали к восстанию свободные народы. За это многие из философов были повешены по приказу Александра.

60. О войне с Пором Александр сам подробно рассказывает в своих письмах. Между враждебными лагерями, сообщает он, протекала река Гидасп. Выставив вперед слонов, Пор постоянно вел наблюдение за переправой. Александр же велел каждый день поднимать в лагере сильный шум, чтобы варвары привыкли к нему. Однажды холодной и безлунной ночью Александр, взяв с собой часть пехоты и отборных всадников, ушел далеко в сторону от врагов и переправился на небольшой остров. В это время пошел проливной дождь, подул ураганный ветер, в лагерь то и дело ударяли молнии. На глазах у Александра несколько воинов было убито и испепелено молнией, и все же он отплыл от острова и попытался пристать к противоположному берегу. Из-за непогоды Гидасп вздулся и рассвирепел, во многих местах берег обрушился, и туда бурным потоком устремилась вода, к суше нельзя было подступиться, так как нога не держалась на скользком, изрытом дне. Рассказывают, что Александр воскликнул тогда: «О, афиняне, знаете ли вы, каким опасностям я подвергаюсь, чтобы заслужить ваше одобрение?» Так говорит Онесикрит, сам же Александр сообщает, что они оставили плоты и, погрузившись в воду по грудь, с оружием в руках двинулись вброд.

Выйдя на берег, Александр с конницей устремился вперед, опередив пехоту на двадцать стадиев. Александр полагал, что если враги начнут конное сражение, то он легко

победит их, если же они двинут вперед пехотинцев, то его пехота успеет вовремя присоединиться к нему. Сбылось первое из этих предположений. Тысячу всадников и шестьдесят колесниц, которые выступили против него, он обратил в бегство. Всеми колесницами он овладел, а всадников пало четыреста человек. Пор понял, что Александр уже перешел реку, и выступил ему навстречу со всем своим войском, оставив на месте лишь небольшой отряд, который должен был помешать переправиться остальным македонянам. Напуганный видом слонов и многочисленностью неприятеля, Александр сам напал на левый фланг, а Кену приказал атаковать правый. Враги дрогнули на обоих флангах, но всякий раз они отходили к слонам, собирались там и оттуда вновь бросались в атаку сомкнутым строем. Битва шла поэтому с переменным успехом, и лишь на восьмой час сопротивление врагов было сломлено. Так описал это сражение в своих письмах тот, по чьей воле оно произошло. Большинство историков в полном согласии друг с другом сообщает, что благодаря своему росту в четыре локтя и пядь, а также могучему телосложению Пор выглядел на слоне так же, как всадник на коне, хотя слон под ним был самый большой. Этот слон проявил замечательную понятливость и трогательную заботу о царе. Пока царь еще сохранял силы, слон защищал его от нападавших врагов, но, почувствовав, что царь изнемогает от множества дротиков, вонзившихся в его тело, и боясь, как бы он не упал, слон медленно опустился на колени и начал осторожно вынимать хоботом из его тела один дротик за другим.

Когда Пора взяли в плен и Александр спросил его, как следует с ним обращаться, Пор сказал: «По-царски». Александр спросил, не хочет ли он добавить еще что-нибудь. На это Пор ответил: «Все заключено в одном слове: „по-царски”». Назначив Пора сатрапом, Александр не только оставил в его власти всю ту область, над которой он царствовал, но даже присоединил к ней новые земли, подчинив Пору индийцев, прежде независимых. Рассказывают, что на этих землях, населенных пятнадцатью народами, находилось пять тысяч больших городов и великое множество деревень. Над другой областью, в три раза большей, Александр поставил сатрапом Филиппа, одного из своих близких друзей.

61. Битва с Пором стоила жизни Букефалу. Как сообщает большинство историков, конь погиб от ран, но не сразу, а позднее, во время лечения. Онесикрит же утверждает, что Букефал издох от старости тридцати лет от роду. Александр был очень опечален смертью коня, он так тосковал, словно потерял близкого друга. В память о коне он основал город у Гидаспа и назвал его Букефалией. Рассказывают также, что, потеряв любимую собаку Периту, которую он сам вырастил, Александр основал город, названный ее именем. Сотион говорит, что слышал об этом от Потамона Лесбосского.

62. Сражение с Пором охладило пыл македонян и отбило у них охоту проникнуть дальше в глубь Индии. Лишь с большим трудом им удалось победить этого царя, выставившего только двадцать тысяч пехотинцев и две тысячи всадников. Македоняне решительно воспротивились намерению Александра переправиться через Ганг: они слышали, что эта река имеет тридцать два стадия в ширину и сто оргий в глубину и что противоположный берег весь занят вооруженными людьми, конями и слонами. Шла молва, что на том берегу их ожидают цари гандаритов и пресиев с огромным войском из восьмидесяти тысяч всадников, двухсот тысяч пехотинцев, восьми тысяч колесниц и шести тысяч боевых слонов. И это не было преувеличением. Андрокотт, который вскоре вступил на престол, подарил Селевку пятьсот слонов и с войском в шестьсот тысяч человек покорил всю Индию.

Сначала Александр заперся в палатке и долго лежал там в тоске и гнев. Сознывая, что ему не удастся перейти через Ганг, он уже не радовался ранее совершенным подвигам и считал, что возвращение назад было бы открытым признанием своего поражения. Но так как друзья приводили ему разумные доводы, а воины плакали у входа в палатку, Александр смягчился и решил сняться с лагеря. Перед тем, однако, он пошел ради славы на хитрость. По его приказу изготовили оружие и конские уздечки необычайного размера и веса и разбросали их вокруг. Богам были сооружены алтари, к которым до сих пор прихо-

дят цари пресиев, чтобы поклониться им и совершить жертвоприношения по греческому обряду. Андрокотт еще юношей видел Александра. Как передают, он часто говорил впоследствии, что Александру было бы нетрудно овладеть и этой страной, ибо жители ее ненавидели и презирали своего царя за порочность и низкое происхождение. <...>

66. Плавание вниз по течению рек продолжалось семь месяцев. Когда корабли вышли в Океан, Александр приплыл к острову, который он сам называет Скиллустидой, а другие — Псилтукой. Высадившись на берег, он принес жертвы богам и, насколько это было возможно, ознакомился с природой моря и побережья. Потом он обратился к богам с молитвой, чтобы никто из людей после него не зашел дальше тех рубежей, которых он достиг со своим войском. После этого он начал обратный путь. Кораблям он приказал плыть вдоль суши так, чтобы берег Индии находился справа, начальником флота назначил Неарха, а главным кормчим — Онесикрита. Сам Александр, двинувшись сушей через страну оритов, оказался в чрезвычайно тяжелом положении и потерял множество людей, так что ему не удалось привести из Индии даже четверти своего войска, а в начале похода у него было сто двадцать тысяч пехотинцев и пятнадцать тысяч всадников. Тяжелые болезни, скверная пища, нестерпимый зной и в особенности голод погубили многих в этой бесплодной стране, населенной нищими людьми, все имущество которых состояло из жалких овец, да и те были в ничтожном числе. Овцы питались морской рыбой, и потому мясо их было зловонным и неприятным на вкус. Лишь по прошествии шестидесяти дней Александру удалось выбраться из этой страны, и как только он достиг Гедрозии, у него сразу же все появилось в изобилии, так как сатрапы и цари ближайших стран позаботились об этом заранее.

67. Восстановив свои силы, македоняне в течение семи дней веселой процессией шествовали через Карманию. Восьмерка коней медленно везла Александра, который беспрерывно, днем и ночью, пирувал с ближайшими друзьями, восседая на своего рода сцене, утвержденной на высоком, отовсюду видном помосте. Затем следовало множество колесниц, защищенных от солнечных лучей пурпурными и пестрыми коврами или же зелеными, постоянно свежими ветвями, на этих колесницах сидели остальные друзья и полководцы, украшенные венками и весело пирующие. Нигде не было видно ни щитов, ни шлемов, ни копий, на всем пути воины чашами, кружками и кубками черпали вино из пифосов и кратеров и пили за здоровье друг друга, одни при этом продолжали идти вперед, а другие падали наземь. Повсюду раздавались звуки свирелей и флейт, звенели песни, слышались вакхические восклицания женщин. В течение всего этого беспорядочного перехода царило такое необузданное веселье, как будто сам Вакх присутствовал тут же и участвовал в этом радостном шествии. Прибыв в столицу Гедрозии, Александр вновь предоставил войску отдых и устроил празднества. Рассказывают, что однажды, хмельной, он присутствовал на состязании хоров, один из которых возглавлял его любимец Багой. Одержав победу, Багой в полном наряде прошел через театр и сел рядом с царем. Увидев это, македоняне принялись рукоплескать и закричали, чтобы царь поцеловал Багоя; они не успокоились до тех пор, пока Александр не обнял и не поцеловал его.

Перевод М.Н. Ботвинника и И.А. Перельмутера

Вопросы по тексту источника:

1. Расскажите о столкновениях Александра с Пором. Как поступил Александр с Пором после победы?
2. С каким трудностями столкнулся Александр в Индии? Что заставило его закончить поход?
3. Расскажите о возвращении Александра из Индии.
4. Что изменилось в поведении Александра по отношению к подданным?

Смерть Александра

Плутарх. Александр.

69. В Персиде Александр прежде всего роздал женщинам деньги по обычаю прежних царей, которые всякий раз, когда они являлись в эту страну, давали каждой женщине по золотому. Рассказывают, что именно поэтому некоторые цари приезжали в Персиду очень редко, а Ох из жадности так ни разу туда и не явился, превратив себя в добровольного изгнанника. <...>

70. Возвратившись к себе после саможжения Калана, Александр созвал на пир друзей и полководцев. На пиру он предложил потягаться в умении пить и назначил победителю в награду венок. Больше всех выпил Промах, который дошел до четырех хоев; в награду он получил венок ценою в талант, но через три дня скончался. Кроме него, как сообщает Харет, умерли еще сорок один человек, которых после попойки охватил сильнейший озноб.

71. Тридцать тысяч мальчиков, которых Александр велел обучать и закалять, оказались не только сильными и красивыми, но также замечательно ловкими и умелыми в военных упражнениях. Александр очень этому радовался, а македоняне огорчались, опасаясь, что царь будет теперь меньше дорожить ими. Поэтому, когда Александр собирался отослать к морю больных и изувеченных воинов, македоняне сочли это обидой и оскорблением, они говорили, что царь выжал из этих людей все, что они могли дать, а теперь, с позором выбрасывая их, возвращает их отечеству и родителям уже совсем не такими, какими взял. Пусть же царь признает бесполезными всех македонян и отпустит их всех, раз у него есть эти молокососы-плясуны, с которыми он намерен покорить мир. Эти речи возмутили Александра. Гневно разбранив македонян, он прогнал их прочь и поручил охранять себя персам, выбрав из их числа телохранителей и жезлоносцев. Видя Александра окруженным персами, а самих себя устранными и опозоренными, македоняне пали духом. <...>

72. Прибыв в Экбатаны Мидийские и устроив там необходимые дела, Александр стал снова бывать в театрах и на празднествах, так как из Греции к нему явились три тысячи актеров. В эти дни тяжело заболел Гефестион. Человек молодой и воин, он не мог подчиниться строгим предписаниям врача и однажды, воспользовавшись тем, что врач его Главк ушел в театр, съел за завтраком вареного петуха и выпил большую кружку вина. После этого он почувствовал себя очень плохо и вскоре умер. Горе Александра не знало границ, он приказал в знак траура остричь гривы у коней и мулов, снял зубцы с крепостных стен близлежащих городов, распял на кресте несчастного врача, на долгое время запретил в лагере играть на флейте и вообще не мог слышать звуков музыки, пока от Аммона не пришло повеление оказывать Гефестиону почести и приносить ему жертвы как герою. Утешением в скорби для Александра была война, которую он превратил в охоту на людей: покорив племя коссеев, он перебил всех способных носить оружие. И это называли заупокойною жертвой в честь Гефестиона. На похороны, сооружение могильного кургана и на убранство, потребное для исполнения всех обрядов, Александр решил потратить десять тысяч талантов, но он хотел, чтобы совершенство исполнения превзошло денежные затраты.

73. На пути в Вавилон к Александру вновь присоединился Неарх, корабли которого вошли в Евфрат из Великого моря. Неарх сообщил Александру, что ему встретились какие-то халдеи, которые просили передать царю, чтобы он не вступал в Вавилон. Но Александр не обратил на это внимания и продолжал путь. Приблизившись к стенам города, царь увидел множество воронов, которые ссорились между собой и клевали друг друга, причем некоторые из них падали мертвыми на землю у его ног. Вскоре после этого Александру донесли, что Аполлодор, командующий войсками в Вавилоне, пытался узнать о судьбе царя по внутренностям жертвенных животных. Прорицатель Пифагор, которого Александр призвал к себе, подтвердил это и на вопрос царя, каковы были внутренности, ответил, что печень оказалась с изъяном. «Увы, — воскликнул Александр, — это плохой

знак!» Пифагору он не причинил никакого зла, на себя же очень досадовал, что не послушался Нейрха. <...>

75. Исполненный тревоги и робости, Александр сделался суеверен, все сколько-нибудь необычное и странное казалось ему чудом, знамением свыше, в царском дворце появилось великое множество людей, приносивших жертвы, совершавших очистительные обряды и предсказывавших будущее. Со всем тем, получив от Аммона прорицание, казавшееся Гепестиона, Александр отменил траур и стал снова бывать на религиозных празднествах и на пиршествах.

Однажды после великолепного приема в честь Нейрха и его спутников Александр принял ванну, как он делал обычно перед сном, и собирался уже было лечь, но, вняв просьбе Медия, отправился к нему на пир. Там он пил весь следующий день, а к концу дня его стало лихорадить. Некоторые писатели утверждают, будто Александр осушил кубок Геракла и внезапно ощутил острую боль в спине, как от удара копьем, — все это они считают нужным измыслить, чтобы придать великой драме окончание трагическое и трогательное. Аристокл же сообщает, что жестоко страдая от лихорадки, Александр почувствовал сильную жажду и выпил много вина, после чего впал в горячечный бред и на тридцатый день месяца десьа умер.

Перевод М.Н. Ботвинника и И.А. Перельмутера

Вопросы по тексту источника:

1. Что изменилось в поведении и настроении Александра по возвращении из похода?
2. Каковы сведения, приводимые Плутархом, о смерти Александра?

Покорение Малой Азии

Диодор Сицилийский. Историческая библиотека. Книга XVII.

XXII. Уцелевшие в битве персы бежали вместе с военачальником Мемноном в Милет. Царь, расположившись лагерем возле города, ежедневно посылал войска на приступы, которые следовали один за другим; (2) осажденные сначала легко отбивали со стен эти атаки, потому что в городе собралось много войска, а стрел и всего, что нужно при осаде, имелось в изобилии. (3) Когда же царь стал разбивать стены машинами и решительно с суши и с моря повел осаду, а македонцы стали врываться в город через проломы в стенах, тогда лишь, уступая силе, они обратились в бегство. (4) Тотчас же милетяне припали к царю с ветвями умоляющих, отдавая в его власть и себя и город. Что же касается варваров, то одних перебили македонцы, а другие или выскользнули из города и бежали, или попали в плен. (5) Александр с милетянами обошелся человеколюбиво, а всех остальных обратил в рабство. Так как флот оказался бесполезен, а расходов требовал больших, то он распустил его, оставив лишь несколько кораблей для перевозки стенобитных машин; в числе этих кораблей было 20 союзнических афинских.

XXIII. Некоторые говорят, что Александр распустил флот с хитрым расчетом. Он поджидал Дария; предстояло большое и грозное сражение, и Александр решил, что македонцы будут сражаться мужественнее, если у них отнять надежду на спасение бегством. (2) То же самое сделал он в битве при Гранике: он оставил в тылу реку, чтобы никому и в голову не пришло кинуться в бегство; что преследуемые найдут гибель в речном потоке, это было совершенно ясно. Впоследствии Агафокл, царь сиракузский, следуя примеру Александра, одержал неожиданную и большую победу. (3) Высадившись в Ливии с небольшим войском, он сжег корабли, отнял у своих солдат надежду спастись бегством, заставил их тем самым храбро сражаться и победил кафагенян, выступивших против него с многотысячным войском.

(4) После взятия Милета много персов и солдат-наемников собралось в Галикарнасе; бежали туда и самые дельные военачальники. Это самый большой из городов Карики, ее столица, с превосходными крепостями. (5) Как раз в это время Мемнон отослал свою

жену и детей к Дарию: тут была и предусмотрительная разумная забота об их безопасности, и расчет на то, что царь, имея таких важных заложников, охотнее доверит ему верховное командование. Так и случилось. (6) Дарий тотчас же отправил жителям приморских областей приказ повиноваться во всем Мемнону. Получив верховное командование, он стал готовить все необходимое на тот случай, если Галикарнас окажется в осаде.

XXIV. Царь Александр подвез морем к Галикарнасу осадные машины и хлеб, а сам со всем войском отправился в Карию; города, лежавшие на пути, он привлек к себе своей добротой. Греческие города он особенно облагодетельствовал: дал им автономию, освободил от податей и заявил, что он поднялся войной на персов ради освобождения эллинов. (2) Во время этого путешествия он встретил женщину, по имени Ада, которой подобало, по ее роду, править карийцами. Она стала говорить ему о своих наследственных правах на власть и просить его помощи. Он велел ей взять управление Карией; благодеяние, оказанное этой женщине, расположило к нему карийцев. (3) Сразу же все города отправили к нему посольства, почтили его золотыми венками и пообещали действовать с ним заодно.

Александр, расположившись лагерем возле города, повел осаду деятельным и устрашающим образом. (4) Сначала он посылал войска на приступы, которые следовали один за другим, и целый день проводил в сражении; затем подвел разные машины; рвы перед городом засыпал под прикрытием 3 «черепах» и начал таранами бить по башням и стенам между башнями. Когда часть стены рухнула, солдаты, прокладывая себе путь в рукопашных схватках, ворвались через пролом в город. (5) Мемнон сначала легко отражал приступы македонцев, так как в городе у него было много воинов; когда стали бить машины, то из города ночью под его предводительством выступил большой отряд и поджег эти машины. (6) Перед городом происходили большие сражения; македонцы значительно превосходили врага храбростью; преимущество персов состояло в их числе и подготовленности. Стоявшие на стенах помогали им в бою и стрелами с катапульт убивали и ранили врагов.

XXV. Одновременно с обеих сторон трубы подали сигнал к бою; со всех сторон поднялся крик, которым воины выражали свое одобрение подвигам соратников. (2) Одни тушили огонь, взвивавшийся высоко над машинами, другие избивали врага, схватившись врукопашную; третьи за рухнувшими стенами складывали другие стены и делали их прочнее старых. (3) Военачальники Мемнона сражались в первых рядах и вручали богатые подарки отличившимся; обе стороны горели несказанной ревностью победить. (4) Раненых (а раны были спереди) и потерявших сознание выносили из сражения; тела павших охраняли товарищи, которые жестоко сражались, не позволяя врагу их унести. Некоторые среди всех этих ужасов начинали падать духом, но ободряющие слова начальников опять вливали в них мужество, и они исполнялись свежих сил. (5) Наконец несколько македонцев, в том числе и Неоптолем, военачальник и муж славный, пали у самых ворот. После этого 2 башни были разрушены до самого основания; 2 простенка рухнуло, и какие-то солдаты Пердикки, напившись, полезли ночью, очертя голову, на стены акрополя. Мемнон и его помощники, понимая неопытность атакующих, выступили с отрядом значительно большим, отогнали македонцев и многих убили. (6) Узнав об этом происшествии, многие македонцы бросились на помощь; завязалась жестокая сеча, и когда на поле битвы появился со своими воинами Александр, то персы отступили и заперлись в городе. Царь попросил через глашатая выдать для похорон трупы македонцев, павших за стенами. Афиняне Эфиальт и Фрасибул, сражавшиеся вместе с персами, советовали отказать, но Мемнон согласился.

XXVI. После этого Эфиальт на военном совете предложил не ждать, пока город возьмут и они окажутся в плену: пусть наемники сами нападут на врага, имея начальников в первых рядах. (2) Мемнон, видя, что Эфиальтом движет доблесть, и вполне на него полагаясь (был он человеком мужественным и физически сильным), разрешил ему поступить, как он хочет. (3) И тот, взяв 2 тысячи отобранных наемников, одной половине их вручил зажженные факелы, другую выстроил в боевом порядке и внезапно велел настезь

распахнуть ворота. На рассвете воины высыпали с ним и подожгли осадные машины. Сразу же вспыхнул огромный пожар; (4) Эфиальт, тесно сплотив узкий строй своих солдат, во главе их обрушился на македонцев, сбегавшихся на пожар. Царь, узнав о происходящем, поставил впереди тех македонцев, которые всегда сражались в первом ряду; сменой им были отборные воины, а в третьем ряду стояли отличившиеся своей исключительной храбростью. Сам он стал впереди, удерживая врагов, считавших себя непобедимыми. Выслал он и солдат тушить огонь и спасать машины. (5) С обеих сторон одновременно раздался неистовый крик; трубы дали сигнал к бою, и завязалась великая битва, ибо доблестны были сражавшиеся и велика была у них жажда славы. Македонцы не дали огню распространиться, но воины Эфиальта одержали в сражении верх. (6) Значительно превосходя остальных телесной силой, он сам убил многих подвернувшихся ему под руку. Стоявшие на новой, только что сложенной стене градом сыпали стрелы и многих убили: выстроена была деревянная башня высотой в 100 локтей, и в ней было полно стрел для катапульт. (7) Немало македонцев пало; многие под этим градом стрел отступили; Мемнон привел на помощь значительный отряд, и царь оказался в большом затруднении.

XXVII. Когда перевес оказывался уже на стороне галикарнасцев, все неожиданно обернулось иначе. Старики македонцы, освобожденные по своему возрасту от участия в бою, ходившие в походы еще с Филиппом и во многих битвах спасавшие положение, увидели, что настал для них час показать себя. (2) Значительно превосходя воинским разумением и опытом молодых солдат, которые стали отступать, они горько упрекнули их в трусости, составили отряд и, став щит к щиту, остановили неприятеля, уже считавшего себя победителем. (3) Убив в конце концов Эфиальта и многих других воинов, они заставили остальных бежать в город. (4) Наступала ночь, и македонцы вслед за беглецами ворвались за стены, но так как царь велел трубить отбой, то они вернулись в лагерь. (5) Мемнон со своими военачальниками и сатрапами, собравшись, решили покинуть город, оставить в акрополе самый лучший отряд со всем снаряжением, которое нужно, остальных же и все имущество перевезти на Кос. (6) Александр, узнав на рассвете о происшедшем, срыл город и обвел акрополь хорошей стеной и рвом. Часть войска он с начальствующими отправил внутрь материка с приказанием покорить ряд племен.

Энергично воюя, они покорили всю страну вплоть до Великой Фригии; солдат кормила вражеская территория. (7) Александр овладел всем побережьем до самой Киликии и приобрел много городов; после трудной и упорной осады достались ему и сильные крепости. Одну он одолел невероятным образом: стоит остановиться на этой необычайной истории.

XXVIII. На границе Ликии, на высоком, особенно укрепленном утесе жили так называемые мармары. Когда Александр проходил по этому месту, они напали на македонский арьергард, многих убили и забрали себе большое число рабов и вьючных животных. (2) Царь, обозленный этим, осадил крепость и прилагал всяческое старание к тому, чтобы овладеть ею. Мармары, отличившиеся мужеством, храбро выдерживали осаду, уверенные в неприступности места. В течение двух дней один приступ сменялся другим; было ясно, что царь не отступит, пока не возьмет крепость. (3) Старики мармары советовали сначала молодежи прекратить военные действия и помириться с царем на условиях, которые были бы возможны. Их не послушались, предпочитая умереть за свободу отечества. Тогда они стали уговаривать молодежь умертвить детей, женщин и стариков, а самим, сильным мужчинам, пробиться силой в ночное время через вражеский лагерь и бежать в соседние горы. (4) Молодежь согласилась; все собрались по своим домам вместе с родными и за трапезой, состоявшей из самых вкусных яств и напитков, ожидали страшного часа. Молодежи было человек 600, они отказались поднять руку на близких, но подожгли дома и, высыпав через ворота, отступили в горы. (5) Они выполнили принятое решение, превратив родные дома в могилы; проскользнули, пока стояла ночь, через раскинутый вокруг лагерь и бежали в горы. Все это произошло в том же самом году.

Перевод М.Е. Сергеенко

Вопросы по тексту источника:

1. Какие народы подчинились Александру добровольно?
2. Какие города оказали сопротивление Александру?
3. Расскажите об осаде Галикарнаса. Почему Александру долго не удалось взять город?

Поход Мемнона. Борьба с Агисом.

Диодор Сицилийский. Историческая библиотека. Книга XVII.

XXX. Персидский царь собирался перенести военные действия из Азии целиком в Европу. Услышав о кончине Мемнона, он собрал на совет близких ему людей и предложил им обсудить, посылать ли военачальников с войском в приморские области или же самому царю со всей армией выступить против македонцев. (2) Некоторые высказались за то, чтобы царь сам взял на себя командование; персы, по их словам, будут тогда воевать с большей охотой. Афинянин же Харидем, человек изумительной храбрости и стратег искуснейший (он воевал вместе с царем Филиппом и был его правой рукой и советником во всех предприятиях), посоветовал Дарию не делать опрометчиво ставкой свое царство: пусть он несет на себе тяжесть управления Азией, а на войну отправит полководца уже испытанной доблести. (3) Стотысячного войска, треть которого составляют эллинские наемники, достаточно, и он намекнул, что он сам берется осуществить свое предложение. (4) Царь сначала согласился со словами Харидема, но близкие ему люди стали решительно возражать и внушили царю подозрение, что Харидем добивается верховного командования с целью предать персов македонцам. Разгневанный Харидем обругал персов за трусость всеми словами, какие только пришли в голову, и тем еще больше задел царя. В раздражении, не думая уже о своей пользе, Дарий схватил Харидема за пояс, предавая его тем, по персидскому обычаю, своим прислужникам на казнь. (5) Харидем, идя на смерть, крикнул, что царь скоро раскается в том, что сделал, а скорым наказанием ему за неправую месть будет крушение его царства. Харидему не удалось осуществить его больших надежд, и за свой смелый язык он преждевременно ушел из жизни. (6) Царь, когда раздражение у него улеглось, одумался, укорял себя в том, что допустил величайшую ошибку: случившееся, однако, даже царская власть не могла сделать неслучившимся. (7) Поэтому, одержимый страхом перед доблестью македонцев, ясно представляя себе деятельную натуру Александра, он стал искать военачальника, достойного принять власть Мемнона. Найти такого он не смог и был вынужден сам вести войну за свое царство.

XXXI. Сразу же собрал он отовсюду войска и велел им встретиться в Вавилоне; из близких и родных выбрал подходящих людей; между одними распределил соответствующие должности, других взял с собой на войну. (2) Когда настал срок похода, все сошлись в Вавилон. Пешего войска было больше 400 тысяч; всадников не меньше 10 тысяч. С такой армией Дарий вышел из Вавилона и направился в Киликию; с ним были жена, дети — сын и две дочери — и мать.

(3) Александр еще при жизни Мемнона узнал, что Хиос и города на Лесбосе захвачены, Митилена взята силой. Мемнон с 300 триер и пешим войском собирается идти на Македонию, а большинство эллинов готово восстать. Его охватила великая тревога, (4) но когда ему принесли известие о кончине Мемнона, тревога эта несколько утихла. Вскоре после этого он тяжело заболел и, жестоко страдая, созвал врачей. (5) Никто не брался его лечить, и только Филипп, акарнанец родом, заявил, что он будет действовать решительно и быстро и своим лекарством изгонит болезнь. (6) Царь радостно его выслушал, так как ему сообщили, что Дарий с войском уже выступил из Вавилона. Врач дал ему выпить лекарство — в помощь пришли природа больного и удача, Александр сразу выздоровел. После такого неожиданного избавления от гибели он почтил врача великими почестями и принял его в число самых дорогих друзей. <...>

LXII. Архонтом в Афинах был Аристофонт; консульскую власть в Риме получили Гай Домиций и Авл Корнелий. {330 г. до н. э.} В этом году весть о сражении при Арбелах дошла до Эллады. Многие города, подозрительно глядя на возвышение Македонии, думали, пока Персия держится, бороться за свою свободу. (2) Они рассчитывали, что Дарий поможет им и снабдит огромными деньгами для найма большой чужеземной армии; Александру же делить свои силы будет невозможно; (3) если же эллины равнодушно отнесутся к поражению персов, то они останутся одни и им нечего будет и думать о свободе. (4) К восстанию побуждал их и переворот во Фракии, случившийся как раз около этого времени. (5) Мемнон, правитель Фракии, располагавший войском и полный самомнения, возмутил варваров, отпал от Александра, вскоре оказался во главе большой армии и открыто готовился к войне. (6) Антипатр со всем войском двинулся через Македонию во Фракию и начал войну с Мемноном. Лакедемоняне сочли, что пришел и их час готовиться к войне, и обратились к эллинам с призывом единодушно отстаивать свободу. (7) Афиняне, которым Александр оказал почета больше, чем другим грекам, не тронулись с места. Большинство пелопоннесцев и еще кое-кто согласились воевать и внесли имена своих городов в списки союзников. В зависимости от возможностей каждый город выставил в качестве солдат цвет своей молодежи; всего пехоты было не меньше 20 тысяч, а конницы около 2 тысяч. (8) Во главе стояли лакедемоняне; они выступили всем народом на эту войну за всех; командование принадлежало царю Агису.

LXIII. Антипатр, узнав об этом сборе эллинов, кое-как закончил войну во Фракии и со всем войском направился в Пелопоннес. Присоединив к себе и отряды эллино-союзников, он собрал армию не меньше чем в 40 тысяч. (2) Произошло большое сражение; Агис пал; лакедемоняне долго и мужественно держались, но когда союзники их были разбиты, они бежали в Спарту. (3) В этой битве македонцев и союзников было убито больше 5300 человек; Антипатр потерял 3500 человек...

Перевод М.Е. Сергеевко

Вопросы по тексту источника:

1. С какой целью был задуман поход Мемнона? Чем он был опасен для Александра?
2. Кто оказал поддержку Мемнону? Какие греческие полисы отказались участвовать в восстании? Когда и где произошли решающие сражения этого похода?

Битва при Гавгамелах

Диодор Сицилийский. Историческая библиотека. Книга XVII.

LIII. Дарий, узнав о его прибытии, собрал отовсюду войска и приготовил все нужное для войны. Он заказал гораздо больше мечей и копий, чем у него было раньше, думая, что Александр выиграл сражение в Киликии благодаря обилию оружия. Изготовлено было и 200 колесниц с серпами, устроенных с точным расчетом на то, чтобы пугать и устрашать людей. (2) В каждой колеснице по обе стороны от пристяжных торчала, выдаваясь на 3 пяди, прибитая к ярму гвоздями скребница, обращенная остриями к противнику; на осях, перпендикулярно к чеке, были прикреплены 2 другие, с остриями, направленными так же, как и вышеупомянутые, прямо к противнику, но шире и длиннее первых. К их краям прилажены были серпы.

(3) Хорошо вооружив войско и поставив доблестных военачальников, Дарий выступил из Вавилона; пехоты у него было около 800 тысяч, конницы не меньше 200 тысяч. Он шел, имея справа от себя Тигр, а слева Евфрат, по богатой стране, которая могла доставить и щедрый корм животным, и достаточную пищу воинам. (4) Он торопился дать сражение около Ниневии: возле нее привольно раскинулись равнины, на которых могла свободно маневрировать собранная им огромная армия. Он расположился лагерем возле деревни Арбел; тут он ежедневно делал смотр войскам и частыми упражнениями приучил

их к дисциплине: его очень беспокоила мысль о том, как бы среди множества людей, говоривших на разных языках, не возникло в бою смятения.

LIV. Дарий и раньше посылал к Александру послов с переговорами о мире: он уступал ему всю землю до реки Галис и обещал к тому же дать 2 тысячи талантов. (2) Александр пренебрег этими предложениями, и тогда Дарий послал других послов: благодарил за хорошее обращение с матерью и другими пленными, просил стать ему другом, предлагал всю землю до Евфрата, 3 тысячи талантов серебра и одну из дочерей в жены. Став зятем царя и заняв положение сына, он разделит с Дарием всю его власть. (3) Александр собрал на совет всех своих друзей, сообщил о сделанных предложениях и попросил каждого откровенно высказать свое мнение. (4) Никто не отважился дать совет по такому важному вопросу; тогда Парменион выступил первый: «Если бы я был Александром, я взял бы то, что предлагается, и заключил бы договор». (5) «И я, — ответил Александр, — взял бы, если бы был Парменионом». Он произнес гордую речь; отверг персидские предложения, ценя славу выше протянутых даров, и дал послам такой ответ: как при 2 солнцах вселенная не может сохранить своего строя и порядка, так и при 2 самодержцах мир не может пребывать в мире и спокойствии. (6) Пусть поэтому они скажут Дарию: если он стремится первенствовать, то Александр будет сражаться с ним за единовластие; если же, презрев славу, он предпочтет свою пользу и легкую удобную жизнь, то пусть он служит Александру, выполняя его приказания, и царствует, получив по его милости свою власть.

(7) Распустив совет, он с войском пошел к вражескому лагерю. В это время умерла жена Дария, и Александр устроил ей пышные похороны.

LV. Дарий, выслушав этот ответ, отказался от переговоров. Он ежедневно устраивал смотр своего войска и приучил его к быстрому выполнению приказов в минуту опасности. Одного из своих друзей, Мазея, он с отборными воинами отправил охранять переправу через реку и занять брод, а других послал жечь страну, через которую надо было идти неприятелю. Он думал, что река преградит путь македонцам. (2) Мазей, видя, что перейти через реку невозможно, потому что она глубока и течение у нее быстрое, и не подумал ставить здесь охрану; он занялся поджогами, опустошил большой округ и решил, что враги не смогут тут пройти из-за отсутствия пищи. (3) Александр же, придя к Тигру, узнал от местных жителей, где находится брод, и переправил через реку войско, с трудом, правда, и большой опасностью. (4) Брод был глубок, вода стояла выше сосков; стремительное течение многих сбивало с ног и отбрасывало в сторону; поток, ударяясь о щиты, многих уносил и подвергал смертельной опасности. (5) Александр, чтобы противостоять быстроте течения, придумал следующее: приказал всем взяться за руки, образуя из собственных тел нечто вроде плотины. (6) Македонцы едва уцелели при этой смелой переправе; Александр дал им отдохнуть весь этот день, а на следующий, построив войско, повел его на врага и расположился лагерем вблизи от персов.

LVI. Думая о величине персидской армии, о предстоящей грозной опасности, о наступлении часа, который решит все, он не спал целую ночь, охваченный тревогой за будущее. Перед утренней стражей он, однако, уснул так крепко, что и с наступлением дня никак не мог проснуться. (2) Друзья сначала с удовольствием смотрели на спящего, рассчитывая, что царь, хорошенько отдохнув, будет полон сил для предстоящего боя. Время, однако, шло, а царь оставался во власти сна. Парменион, старший из друзей, сам от себя отдал приказ войску готовиться к сражению. (3) Сон не отпускал царя, и друзья едва его добудились. Все изумлялись этому случаю и хотели услышать, в чем его причина; Александр сказал, что Дарий, собрав войско в одно место, избавил его от всякого беспокойства. (4) В один день решится все, и они отдохнут от долгих трудов и опасностей. Обратившись к военачальникам с подобающим словом и воодушевив их на бой, он повел войско на варваров, поставив конные отряды впереди пеших полков.

LVII. На правом фланге он поставил царский эскадрон под начальством Клита, прозванного Черным, рядом с ним других друзей под командой Филоты, сына Пармениона, и рядом 7 других конных полков под его же начальством. (2) За ними сзади был вы-

строен «пехотный отряд с серебряными щитами», отличавшийся блеском вооружения и мужеством воинов. Им предводительствовал Никанор, сын Пармениона. Возле них стояло войско эллиотов под начальством Кена; рядом полк линкестов и орестийцев, которым командовал Пердикка. Соседним полком командовал Мелеагр, а рядом с ним стоял Полисперхонт, под начальством которого находились тимфеи. (3) Филипп, сын Балакра, начальствовал над соседним полком; за ним стоял полк Кратера. Сплошной строй вышеупомянутых всадников дополняли всадники из Пелопоннеса и Ахайи, фтиоты, малийцы, локры и фокейцы; командовал ими митиленец Эригий. (4) Рядом стояли фессалийцы под командой Филиппа; мужеством и искусным маневрированием они значительно превосходили остальных. Возле них он поставил критских лучников и ахейских наемников. (5) Каждый фланг загибался, чтобы не дать огромной армии врага возможности взять в окружение небольшое войско македонцев. (6) Отбивать атаку колесниц с серпами царь придумал следующим образом: солдатам было приказано при приближении четверни сомкнуть щиты и сариссами ударять в них, чтобы лошади, испугавшись шума, понесли назад; если они все же будут стремиться вперед, то расступиться на такое расстояние, чтобы колесница проехала, не нанеся вреда македонцам. Сам он командовал правым флангом, который выстроил наискось; он сознавал, что исход будет зависеть от него.

LVIII. Дарий расположил свое войско по отдельным народностям, сам напротив Александра и пошел на врага. Когда обе армии приблизились одна к другой, трубы с обеих сторон дали сигнал к бою, и воины с громким криком устремились одни на других. (2) Сначала серпы колесниц, мчавшихся во всю прыть, повергли македонцев в великий страх и ужас. Мазей, начальник конницы, бросил на врага вместе с колесницами густые ряды всадников, что сделало натиск колесниц еще страшнее. (3) Пехота македонцев, однако, сомкнула, как и приказал царь, свои щиты; все стали бить в них сариссами и подняли великий шум. (4) Лошади испугались; много колесниц повернуло обратно и неудержимо, опрометью понеслось на своих. Некоторые, впрочем, уже вот-вот ворвались бы в ряды пехоты, но македонцы расступились на значительное расстояние, и пока колесницы мчались по этому пролету, они одних возниц пронзили, а другие свалились сами. Некоторые колесницы, однако, летя во всю прыть и энергично действуя своим острым железом, наносили множество разных и смертельных ран. (5) Так остро было это на погибель выкованное оружие и с такой силой оно действовало, что у многих были отрублены руки со щитами вместе; многим перерезало шею, и у голов, скатившихся на землю, глаза еще продолжали смотреть, а лицо сохраняло свое выражение; метким ударом некоторым разворачивало бок, и они умирали в жестоких страданиях.

LIX. Когда армии сблизилась и были истрачены стрелы, камни для пращей и дротики, завязалась битва врукопашную. (2) Первыми начали сражение всадники. Против македонцев, сражавшихся на правом фланге, Дарий выставил свой левый фланг, где вместе с ним сражался конный отряд его родственников, людей исключительной доблести и преданности; было их в отряде тысяча. (3) На них глядел сам царь, и они спокойно встретили град пущенных стрел. С ними были и «носители айвы», многочисленные и выделявшиеся своим мужеством; кроме того, марды и коссеи, вызывавшие удивление своим огромным ростом и душевным величием. (4) С ними вместе сражались дворцовая охрана и самые мужественные воины-инды. С громким криком ударили они на врага, сражались мужественно и благодаря превосходству сил стали одолевать македонцев. (5) Мазей, будучи на правом фланге с превосходной конницей, сразу же в первой схватке уничтожил немало противников; он послал отборный отряд, состоявший из 2 тысяч кадусиев и тысячи скифских всадников, с приказом обойти неприятельский фланг, подойти к месту, где стоит обоз, и овладеть им. (6) Приказ этот был быстро выполнен: в лагерь македонцев ворвались, некоторые из пленных завладели оружием, стали помогать скифам — и обоз был разграблен. Невероятный крик и смятение стояли по всему лагерю. (7) Пленные женщины ушли к варварам, но мать Дария, Сисигамба, не поддавалась на увещания пленниц и осталась, спокойная и дружелюбная; может быть, она не доверяла счастливой перемене судь-

бы, может быть, не хотела запятнать себя неблагодарностью по отношению к Александру. (8) Наконец скифы, расхитив значительную часть обоза, ускакали к Мазею объявить о своей удаче. Точно так же и всадники, сражавшиеся под командой Дария, одолели своей численностью сражавшихся с ними македонцев и заставили их обратиться в бегство.

LX. Это была вторая удача персов. Александр, торопясь собственным вмешательством поправить дело, устремился на самого Дария с царским отрядом и с другими превосходными всадниками. (2) Царь персов встретил атаку неприятеля, сражаясь с колесницы; он бросал дротиками в несшихся на него врагов; воины его сражались вместе с ним, но цари кинулись друг на друга. Александр метнул дротиком в Дария, но промахнулся и попал в возницу, стоявшего рядом с царем. (3) Воины, окружавшие Дария, громко вскрикнули: те, кто стоял поодаль, решили, что убит царь; они положили начало бегству, и за ними устремилась целая толпа. Отряд, стоявший возле Дария, вскоре был разметан. Не оказалось защитников и с другой стороны, и сам царь в ужасе обратился в бегство. (4) Так бежали они; пыль от конских копыт поднималась облаком; Александр со своими воинами наседали сзади; толпа людей и густая пыль не позволяли разглядеть, куда направил свое бегство Дарий; стоны упавших, топот копыт, шелканье бичей сливались в сплошной грохот. (5) В это время Мазей, командовавший правым флангом, на котором стояли самые лучшие и многочисленные конные отряды, жестоко теснил противника. Парменион с фессалийской конницей и другими полками, сражавшимися под его начальством, выдерживали этот натиск. (6) Сначала, блестяще сражаясь, они взяли верх благодаря мужеству фессалийцев, но Мазей подавлял их численностью своего войска. (7) Много людей было убито, сила варваров оказывалась необоримой, и Парменион послал нескольких своих всадников к Александру, прося немедленной помощи. Те стремительно бросились выполнять его приказание, но узнали, что Александр, преследуя Дария, далеко оторвался от войска, и вернулись ни с чем. (8) Парменион, искусно пуская в ход фессалийские эскадроны и погубив многих, с трудом повернул вспять варваров, смертельно напуганных бегством Дария.

LXI. Дарий, военачальник опытный, воспользовавшись тем, что тучи пыли служили ему прикрытием, составил себе особый план бегства. Он устремился в противоположную сторону, чем прочие варвары; поднятая пыль прикрыла его бегство, и он вместе со своими спутниками проехал безопасно и укрылся в деревнях, находившихся в тылу у македонцев. (2) Наконец все варвары устремились в бегство; македонцы не уставали избивать отставших, и скоро все окрестности той равнины были усеяны трупами. (3) В этом сражении была перебита вся варварская конница; пеших пало больше 90 тысяч. У македонцев убито было человек 500; раненых же оказалось очень много, был среди них и Гестифион, начальник телохранителей, один из наиболее известных командиров (копье попало ему в руку), Пердикка, Кен, Менид и еще некоторые известные военачальники. Так окончилось сражение при Арбелах.

Перевод М.Е. Сергеенко

Вопросы по тексту источника:

1. Каким образом Дарий и Александр осуществляли подготовку к новому сражению?
2. Чем отличается изложение событий битвы при Гавгамелах (Арбелах) Плутархом от описания их в повествовании Диодора?

Взятие и сожжение Персеполя

Диодор Сицилийский. Историческая библиотека. Книга XVII.

LXIX. Затем он отправился в Персеполь и в дороге получил письмо от Тиридата, правителя этого города. В нем было написано, что если Александр опередит войска, которые идут сохранить Персеполь для Дария, то он овладеет городом, который Тиридат ему выдаст. (2) Александр поэтому спешно повел войско, перекинул мост через Аракс и переправил своих воинов. Дальше на пути они увидели страшное и необычайное зрелище,

внушившее ненависть к палачам и наполнившее сердца жалостью и состраданием к жертвам, которые потерпели увечья неизлечимые. (3) Навстречу царю шло с ветвями умоляющих около 800 эллинов, которых предшественники Дария выгнали из их жилищ. Большинство из них были людьми старыми, и все они были искалечены: одни без рук, другие без ног, третьи без ушей и без носа. (4) Тем, кто знал какую-нибудь науку или ремесло и был мастером своего дела, оставили только те члены тела, которые были потребны для работы: все остальные отрубили. Все, глядя на их почтенный возраст и на их увечья, исполнились сострадания к несчастным; особенно жалел их Александр: не смог даже удержать слез. (5) Все разом стали кричать и просить Александра помочь им в их несчастьях; царь подозревал главарей этой толпы, отнесся к ним с уважением, достойным его великодушия, и пообещал всячески позаботиться об их возвращении домой. (6) Они, собравшись вместе и посоветовавшись, сказали, что предпочитают не возвращаться домой, а остаться здесь. Вернувшись на родину, они рассеются маленькими кучками и, бродя по городам, обречены терпеть насмешки над жестокой обидой, которую нанесла им судьба; живя вместе, терпя одинаковое несчастье, они будут утешаться в своей беде такой же бедой соседа. (7) При следующей встрече с Александром они, объяснив свое решение, попросили его помочь им в домашнем устройстве. (8) Александр согласился с ними, выдал каждому по 3 тысячи драхм, по 5 одежд мужских и женских, по две пары волов, по 50 овец и по 50 медимнов пшеницы, освободил от всех царских податей и приказал правителям следить за тем, чтобы никто их не обижал. (9) Такими щедротами по своей доброте помог Александр несчастным.

LXX. Персеполь, столицу Персидского царства, Александр объявил самым враждебным из азиатских городов и отдал его, кроме царского дворца, на разграбление солдатам. (2) А был этот город самым богатым из всех существующих под солнцем, и в домах частных лиц с давних пор было полным-полно всякого добра. Македонцы, врываясь, убивали всех мужчин и расхищали имущество, которого имелось очень много: битком было набито и всякой утвари, и драгоценностей. (3) Унесено было много серебра, немало золота; множество роскошных одежд, выкрашенных в пурпурную краску, добытую из моря, или расшитых золотом, стало наградой победителям. Огромный, по всему миру прославленный дворец был отдан на позор и полное уничтожение. (4) Македонцы, целый день занимавшиеся грабежом, не смогли все-таки утолить ненасытную жажду обогащения. (5) Жадность их за время этих грабежей так развилась, что они вступали в драку друг с другом. Многих погубило обилие присвоенного имущества: некоторые, разрубив мечом самые роскошные материи, забирали свою долю; некоторые, не помня себя в гневе, отрубали руки тем, кто хватался за вещи, бывшие предметом спора. (6) Женщин в их уборах волокли силой, уводя в рабство. Насколько Персеполь превосходил прочие города своим счастьем, настолько же превзошел их и своими страданиями.

LXXI. Александр, явившись в крепость, завладел находившимися там сокровищами. Они были полны золота и серебра, так как сюда складывали все поступления, начиная со времен Кира, первого царя персов, и до последнего дня. Оказалось 120 тысяч талантов, переводя золото в цену серебра. (2) Желая взять часть этих денег с собой для военных нужд, а другую поместить на сохранение в Сузах, он потребовал из Вавилона, Месопотамии, а также из Суз караван мулов, ходивших под вьюками и в упряжке, и, кроме того, 3 тысячи вьючных верблюдов. Они привезли все в указанные места. (3) Враждебно относясь к местным жителям, он не доверял им и решил совершенно уничтожить Персеполь.

LXXII. Александр, праздную победу, принес роскошные жертвы богам и устроил для друзей богатое пиршество. Товарищи его походов щедро угощались, и чем дальше шла пирушка, тем больше люди пьянели и наконец длительное безумие охватило души упившихся. (2) Одна из присутствовавших женщин, Фаида по имени, уроженка Аттики, сказала, что из всех дел, совершенных Александром в Азии, самым прекрасным будет сожжение царского дворца: пусть он отправится веселой компанией вместе с ними, и жен-

ские руки заставят в один миг исчезнуть знаменитое сооружение персов. (3) Слова эти, обращенные к людям молодым, которые, опьянев, преисполнились бессмысленной гордости, возымели, конечно, свое действие: кто-то закричал, что он поведет всех, и стал распорядиться, чтобы зажгли факелы и шли отомстить за беззакония, совершенные в эллинских святынях. (4) Его одобрили, но сказали, что совершить такое дело подобает только Александру. Царя воодушевили эти слова; все вскочили из-за стола и заявили, что они пройдут победным шествием в честь Диониса. (5) Тут же набрали множество светильников, прихватили женщин, игравших и певших на пиру, и царь выступил в этом шествии под звуки песен, флейт и свирелей. Зачинщицей всего была гетера Фаида. (6) Она после царя первая метнула во дворец зажженный факел; то же самое сделали и другие, а скоро дворец и все вокруг было охвачено огромным пламенем. Самое удивительное, что за кощунство, совершенное Ксерксом, царем персидским, на афинском акрополе, отплатила той же монетой много лет спустя женщина, согражданка тех, кто был обижен еще в детстве.

Перевод М.Е. Сергеевко

Вопросы по тексту источника:

1. Чем Вы можете объяснить жестокость, с которой Александр отнесся к Персеполю и его жителям?
2. Сравните описание взятия Персеполя у Плутарха и у Диодора Сицилийского.

Личность Александра

Юстин. Эпитома сочинения Помпея Трога «История Филиппа». Книга XI.

1. (1) Так как в войске Филиппа были разные народности, то, когда он был убит, все они восприняли это по-разному. (2) Одни, угнетаемые несправедливым рабством, конечно, стали надеяться на получение свободы; (3) другим надоела долгая служба, и они радовались тому, что избавились от похода в Азию; (4) некоторые сокрушались о том, что факелом, зажженным для свадьбы дочери, пришлось поджечь погребальный костер отца; (5) а друзей [царя] при столь неожиданной перемене охватил великий страх. Они представляли себе то Азию, вызванную на бой, то Европу, еще не укрощенную, (6) то иллирийцев, фракийцев, дарданцев и другие варварские племена, верность которых была сомнительна, которые в душе были предателями, – если бы все эти народы одновременно отложились от Македонии, устоять было бы невозможно. (7) При этих обстоятельствах как бы неким целебным средством явилось выступление Александра: (8) в народном собрании он настолько своевременно успокоил и ободрил весь простой народ, что тех, кто боялся, избавил от страха и внушил всем веру в себя. (9) Было ему двадцать лет от роду, и в этом возрасте он был хотя и многообещающим, но таким скромным, как будто хотел в дальнейшем проявить себя на деле. (10) Македонян он освободил от всех государственных повинностей, кроме военной службы; этим поступком он заслужил такое расположение со стороны всех [окружающих], что стали говорить: [на престоле] сменился человек, но доблесть царская осталась неизменной.

2. (1) Первой заботой Александра было устройство похорон отца; прежде всего он приказал убить перед могильным холмом отца соучастников его убийства. (2) Поощрил он только Александра Линкеста, брата..., сохранив в его лице вестника о своем воцарении. Линкест первый приветствовал Александра как царя. (3) Приказал он также убить соперника своего по праву на власть (aetulum imperii), своего брата Карана, рожденного от мачехи. (4) В самом начале царствования [Александр] усмирил многие восставшие племена, подавил несколько вспыхнувших было мятежей. (5) Ободренный этими успехами, он по-

спешно направляется в Грецию, где, по примеру отца, вызывает в Коринф представителей от [греческих] государств и становится их вождем вместо отца. (6) Затем он берется за уже начатую его отцом войну против персов. (7) Занятый приготовлениями к ней, он получает известие, что афиняне и фивяне, отпав от него, перешли на сторону персов, что виновником отпадения их является оратор Демосфен, которого подкупили персы огромным количеством золота, (8) что [этот] Демосфен утверждал, будто все войско македонян вместе с царем уничтожено трибаллами, и [даже] привел на собрание свидетеля, который говорил, что он сам был ранен в том сражении, в котором пал царь. (9) Этот слух, [как узнал Александр], изменил настроение почти во всех государствах, и македонские гарнизоны оказались в осаде. (10) Чтобы помешать этому движению, [Александр] с такой быстротой со своим вооруженным и подготовленным войском обрушился на Грецию, что [люди] едва верили своим глазам, видя перед собой того, о приходе которого и не помышляли.

3. (1) Проходя через Фессалию, Александр напомнил фессалийцам о благодеяниях своего отца и о своем близком родстве с ними по матери, [происходившей] из рода Эакидов. (2) Фессалийцы жадно слушали [такие речи], избрали его, как в свое время и его отца, вождем всего фессалийского народа и предоставили в его распоряжение все налоги и доходы. (3) А афиняне, которые первыми отложились от Македонии, первыми же стали об этом сожалеть. (4) Перейдя от презрения к врагу к преклонению перед ним, они стали превозносить молодость Александра, к которой ранее относились с пренебрежением, [ставя ее] выше доблести старых вождей. (5) Отправив к Александру посольство, афиняне умоляли его не идти на них войной; царь выслушал послов, осыпал их резкими упреками, но от войны отказался. (6) После этого он направил войско в Фивы, намереваясь также милостиво поступить с фивянами, если он встретит с их стороны такое же раскаяние. (7) Но фивяне пустили в ход оружие, а не мольбы и просьбы. Поэтому, когда они потерпели поражение, им пришлось испытать все ужасы позорнейшего плена. (8) Когда на совете обсуждали вопрос о разрушении Фив, фокидяне и жители городов Платей, Феспий и Орхомена, союзники Александра и соучастники его победы, стали говорить о разрушении их городов фивянами и об их жестокости, (9) упрекали фивян за их приверженность к персам, проявленную ими не только теперь, но и в давно прошедшие времена, во вред свободе Греции. (10) Вследствие этого, [говорили они], фивяне ненавистны всем народам; это видно уже из того, что все связали себя клятвой после победы над персами разрушить Фивы. (11) Ко всему этому они прибавляют сказания о прежних преступлениях фивян, которыми, [сказаниями], переполнены все театральные представления, – все это для того, чтобы разжечь ненависть к фивянам не только за их недавнее вероломство, но и за худую славу о них, идущую с древних времен.

4. (1) Тогда один из пленных, Клеад, получивший разрешение говорить, [сказал следующее]: фивяне отложились не от царя, о котором они слышали, что он убит, а от наследников царя; (2) виноваты они в легковерии, а не в измене; за эту вину, однако, они понесли уже тяжелое наказание – их молодежь истреблена; (3) теперь остались лишь толпы стариков и женщин, настолько же бессильных, насколько безвредных, которые к тому же перенесли столько насилий и оскорблений, что никогда не приходилось им терпеть ничего более горького; (4) и он, [Клеад], просит теперь уже не за граждан, которых осталось так мало, а за невинную родную землю и за город, который порождал не только мужей, но и богов. (5) Лично царя Клеад заклинал вспомнить о его религиозных связях [с Фивами]: ведь в Фивах рожден Геркулес, от которого ведет начало род Эакидов, в Фивах же провел свое детство отец царя – Филипп. (6) [Поэтому он] просит [царя] пощадить тот город, который некоторых предков [Александра], здесь рожденных, чтит в числе богов, других же, воспитавшихся здесь, видел достигшими высшей царской власти. (7) Но сильнее был гнев, чем мольбы: город разрушают; (8) земли делят между победителями; пленных продают «под венком» [в рабство], и все растущая цена на них зависит не от их пригодности для покупателей, а от ненависти их врагов. (9) Все это внушило афинянам жалость к ним. Поэтому они, вопреки царскому запрещению, открыли свои ворота для [фи-

ванских] беглецов. (10) Александр был этим так разгневан, что, когда афиняне, отправив второе посольство, умоляли его не идти на них войной, он отказался от войны только на том условии, чтобы ему были выданы ораторы и военачальники, под влиянием которых афиняне столько раз бунтовали. (11) Хотя афиняне готовы были на это пойти, чтобы не пришлось воевать, но согласились на том, что военных вождей отправят в изгнание, а ораторы останутся. (12) Военные вожди, отправившись из Европы к Дарию, немало принесли пользы военным «силам персов.

5. (1) Прежде чем отправиться на войну с персами, Александр умертвил всех родственников своей мачехи, которых Филипп [в свое время] поставил во главе управления (*imperils praefecerat*), выдвинув на самые высокие и почетные должности. (2) Не пощадил он и собственных своих родных, которые казались ему способными царствовать, чтобы в Македонии, когда он будет далеко от нее, не было почвы для мятежей. (3) Он увел [с собой] в качестве соратников всех наиболее одаренных царей-данников, оставив для охраны государства менее предприимчивых. (4) После того как все войско было собрано в одно место, он погрузил его на корабли. Увидев берега Азии, Александр воспламенился необычайным пылом и воздвиг богам двенадцать алтарей как приношение перед войной. (5) Все свое наследственное достояние, которым он владел в Македонии и в Европе, он разделил между друзьями, сказав, что для него будет достаточно и Азии. (6) Раньше чем от берега отчалил хоть один корабль, Александр закалывает жертвы, испрашивая победу в войне, в которой он избран мстителем за Грецию, столько раз подвергавшуюся нападениям персов. (7) Уже достаточно долго пользовались они властью, близится конец ее, и настало время принять ее, в свою очередь, тем, кто лучше сумеет воспользоваться ею. (8) И все войско было настроено не иначе, чем царь: (9) все воины забыли о женах и детях, о том, что им придется воевать далеко от родины, они уже считали своей добычей персидское золото и сокровища всего Востока, помнили не о военных опасностях, а о богатствах. (10) Когда высадились на берег [Азии], Александр первым метнул свое копьё как бы во вражескую землю и спрыгнул с корабля в полном вооружении, как будто исполняя военную пляску, и заклал жертвы, (11) молясь о том, чтобы земли эти охотно приняли его, как своего царя. (12) Также и в Илионе, на погребальных холмах героев, павших в Троянской войне, Александр принес жертвы умершим.

11. (1) После этого Александр без борьбы занял Родос, Египет и Киликию. (2) Затем он направляется к Юпитеру Амону, чтобы спросить [бога] о том, что ожидает его в будущем, а также и о своем происхождении, (3) ибо мать Александра, Олимпиада, призналась давно своему мужу Филиппу, что зачала Александра не от него, а от громадной величины змея. (4) Да и Филипп в последние годы своей жизни открыто заявлял, что Александр не его сын. (5) По этой-то причине Филипп и развелся со своей женой как с уличенной в разврате. (6) Поэтому-то Александр, желая приписать себе божественное происхождение и вместе с тем обелить мать, через посланных вперед лиц [тайно] подзывает жрецам, какой ответ они должны ему дать. (7) Когда Александр вошел в храм, жрецы тотчас же приветствовали его как сына Амона. (8) Довольный тем, что бог признал его сыном, он приказывает считать Амона своим отцом. (9) Затем он спрашивает: всем ли убийцам отца он отмстил? – и получает такой ответ: его отец не может быть убит и не может умереть; отмщение же за царя Филиппа завершено полностью. (10) На третий же вопрос ему было дано в ответ, что даруется ему победа во всех войнах и власть над всеми землями. (11) А спутникам Александра ответили, чтобы они почитали Александра, как бога, а не как царя. (12) С тех пор увеличилось его высокомерие, возросла надменность и исчезла та обходительность, которую он приобрел ранее от изучения греческой мудрости и от македонского воспитания. (13) Возвратившись от [храма] Амона, Александр основал Александрию и эту македонскую колонию приказал считать столицей Египта.

Книга XII.

3. (1) Когда Александр, будучи в Парфии, получил известие обо всех этих событиях, он притворился огорченным, так как был родственником Александру Эпирскому, и назначил в войске трехдневный траур. (2) Потом созвал своих воинов, которым казалось, что война уже закончена, которые ждали отпуска на родину и мысленно обнимали уже своих жен и детей, и сказал им [следующее]: (3) все столь замечательные битвы не приведут ни к чему, если восточные варварские племена останутся неподчиненными; он добивался ведь не мертвого тела Дария, а его державы; необходимо теперь обратиться против тех, которые от этой державы отпали. (4) Вдохнув этой речью новый пыл в своих воинов, он покорил Гирканию и мардов. (5) Здесь его встретила Талестрис, или Минития, царица амазонок, которая с тремястами женщинами совершила тридцатипятидневный переход через [земли] многолюдных племен, чтобы иметь детей от царя. (6) Вид ее и прибытие вызвали всеобщее изумление, как вследствие ее необычайного для женщин одеяния, так и из-за того, что она домогалась вступить в связь с царем. (7) По этому случаю [войску] был дан царем отдых на тринадцать дней, а царица отправилась обратно, когда убедилась, что забеременела. (8) После этого Александр стал носить одежду персидских царей и диадему, что не было принято ранее у македонских царей; Александр как будто заимствовал законы у тех, кого победил. (9) Чтобы эта одежда, если он станет носить ее один, не показалась от этого особенно ненавистной, он и друзьям своим приказал одеваться в длинные пурпурные одежды, расшитые золотом. (10) Желая подражать персам в распушенности нравов не менее, чем в одежде, он отобрал среди множества царских наложниц самых красивых и знатных по происхождению и проводил с ними ночи поочередно. (11) Кроме того, он стал держать невероятно пышную трапезу, чтобы его образ жизни не казался слишком трезвым и скудным, стал с царственной роскошью справлять пиры с играми, совершенно забыв, что такие нравы ведут не к укреплению мощи, а к потере ее.

4. (1) В эту пору во всем лагере все стали возмущаться тем, что Александр оказался таким вырождением по сравнению с отцом своим Филиппом, что даже отрекся от своей родины и перенял те самые персидские нравы, вследствие которых персы были побеждены. (2) А чтобы не показалось, что только он один опустился до порочной жизни тех, кто был побежден его оружием, он позволил также и своим воинам брать в жены тех пленных женщин, с которыми они были в связи, (3) полагая, что у солдат будет меньше желания вернуться на родину, если в лагере они почувствуют некоторое подобие домашнего очага и семейной обстановки, (4) и сами военные труды покажутся легче благодаря сладостям брака. (5) Да и новые призывы в армию будут меньше истощать Македонию, если на места отцов-ветеранов будут заступать сыновья-новобранцы, чтобы сражаться у того лагерного вала, у которого они родились, (6) и они будут еще более стойкими, если начало их военной службы пройдет в том же лагере, где стояла их колыбель. (7) Этот порядок сохранился и при преемниках Александра. (8) На детей отпускалось определенное содержание, юношам выдавалось оружие и снаряжение для коней, а отцам сообразно с числом сыновей было установлено вознаграждение. (9) Дети, у которых отцы погибли в боях, став сиротами, продолжали получать жалованье, которое получали их отцы; их детство, прошедшее в военных походах, было [своего рода] военной службой. (10) С детства закаленные трудами и опасностями, они становились непобедимыми воинами. Они не знали другого отечества, кроме лагеря, и другой войны, кроме победоносной. (11) Это поколение получило название «эпигонов». (12) Покорив парфян, Александр поставил над ними сатрапом (praefectus) Андрагора из персидской знати; от него произошли позднейшие парфянские цари.

Гл. 5. (1) Между тем Александр начал свирепствовать по отношению к своим не как царь, а как враг. (2) Больше всего его уязвляли разговоры близких ему людей, что он де изменил нравам отца своего Филиппа, нравам своей родины. (3) За такой проступок был казнен ближайший к царю по своему достоинству старый Парменион вместе с сыном

своим Филотой. Оба они перед казнью были подвергнуты пыткам. (4) В лагере все начали роптать, сожалея о смерти невинного старика и его сына, между прочим, говорили, что и им [всем] не приходится ждать ничего лучшего. (5) Когда об этом сообщили Александру, он стал опасаться, как бы мнение это не распространилось по Македонии и как бы слава его побед не померкла от его жестокости. Поэтому он сделал вид, что хочет послать на родину некоторых своих друзей вестниками победы. (6) Солдатам же он посоветовал написать родным, сказав, что они все более удаляются [от родины] и им все реже будет представляться возможность [писать письма]. (7) Сданные связки писем он приказывает тайно принести к нему. (8) Узнав из этих писем мнение о себе отдельных солдат, он всех тех, кто наиболее резко отозвался о нем, свел в одну когорту с тем, чтобы либо истребить их, либо распределить их по колониям в самых отдаленных областях. <...>

Гл. 6. (1) Совершив все это, в один праздничный день Александр созвал друзей на пир. (2) Когда во время пира опьяневшие гости упомянули деяния, совершенные Филиппом, сам Александр стал утверждать, что он выше своего отца, а величие своих подвигов превозносить до самого неба. Большинство гостей соглашалось с ним. (3) Когда же один из стариков, Клит, уверенный в дружеском расположении к себе царя, относившегося к нему лучше, чем ко всем другим; стал защищать память Филиппа и восхвалять его деяния, то царь до такой степени оскорбился этим, что, выхватив копье у одного из телохранителей, тут же на пиру убил Клита.

Перевод А.А. Деконского и М.И. Рижского

Вопрос по тексту источника:

1. Сравните характеристику личности Александра, данную Плутархом, с характеристикой, которую дает Юстин. В чем Вы видите отличия?

Смерть Александра

Юстин. Эпитома сочинения Помпея Трога «История Филиппа». Книга XI.

Гл. 13. (1) Когда Александр возвращался с отдаленных берегов Океана в Вавилон, ему сообщили, что в Вавилоне ожидают его возвращения посольства из Карфагена и других африканских государств, а также из Испании, Галлии, Сицилии, Сардинии и некоторых италийских государств. (2) До такой степени весь мир испытывал страх перед его именем, что все народы заискивали перед ним, [как будто считая его] предназначенным себе в цари. (3) В то время как Александр по этой причине спешил в Вавилон, как бы намереваясь собрать там весь мир, некий маг предупредил его, чтобы он не въезжал в этот город, утверждая, что это место для него будет гибельным. (4) Поэтому Александр, оставив Вавилон в стороне, вступил в город Борсиппу, по ту сторону Евфрата, давно уже покинутый жителями. (5) Здесь под влиянием философа Анаксарха Александр стал относиться к предсказаниям магов как к ложным и недостоверным, ибо если они совпадают с велениями рока, они сокрыты от смертных, а если они отражают естественный ход вещей, то они неотвратимы. (6) Поэтому, вернувшись в Вавилон, он много дней отдыхал и торжественно возобновил прерванные [вследствие походов] пиры. (7) Он весь предался развлечениям, и однажды, когда, пропировав целый день и присоединив к нему ночь, он уже собрался уходить с пира, его самого с его сотоварищами по пиру фессалиец Медий пригласил [к себе] возобновить пирушку. (8) Александр принял кубок и когда выпил его до половины, то внезапно, точно пронзенный копьем, застонал, (9) был унесен с пира полумертвым и так жестоко страдал от боли, что умолял дать ему оружие вместо лекарства; даже легкое прикосновение причиняло ему такую же боль, как рана. (10) Друзья Александра распространяли слух, что болезнь царя произошла от неумеренного пьянства. На

самом же деле это было коварное убийство (*insidiae*), гнусность которого мощным приемникам Александра удалось скрыть.

Гл. 14. (1) Заговор задумал Антипатр, видевший что казнены лучшие друзья царя, что убит его зять Александр Линкест; (2) да и сам Антипатр, несмотря на совершенные им в Греции подвиги, заслужил у Александра не столько благодарность, сколько ненависть. (3) Мать Александра, Олимпиада, тоже оскорбляла Антипатра разными клеветами. (4) К этому добавилось еще и то обстоятельство, что совсем недавно подверглись страшной казни наместники завоеванных областей. (5) Поэтому Антипатр полагал, что и его вызвали из Македонии не для участия в военных походах, а для расправы. (6) Он подготовил сына своего Кассандра, который обычно прислуживал царю с братьями, Филиппом и Иоллой, к покушению на царя. Антипатр дал Кассандру яд. (7) Сила этого яда была такая, что его нельзя было хранить ни в медных, ни в железных, ни в глиняных сосудах, а переносить его можно было только в посуде из конского копыта. Антипатр предупредил сына, чтобы он не доверял никому, кроме как фессалийцу и братьям. (8) По этой-то причине у фессалийца [все] было заранее подготовлено для пира, и у него же было продолжено пиршество. (9) Филипп и Иолла должны были заранее пробовать и разбавлять водой питье для царя; яд у них был влит в холодную воду; ею они и разбавили питье которое перед этим испробовали.

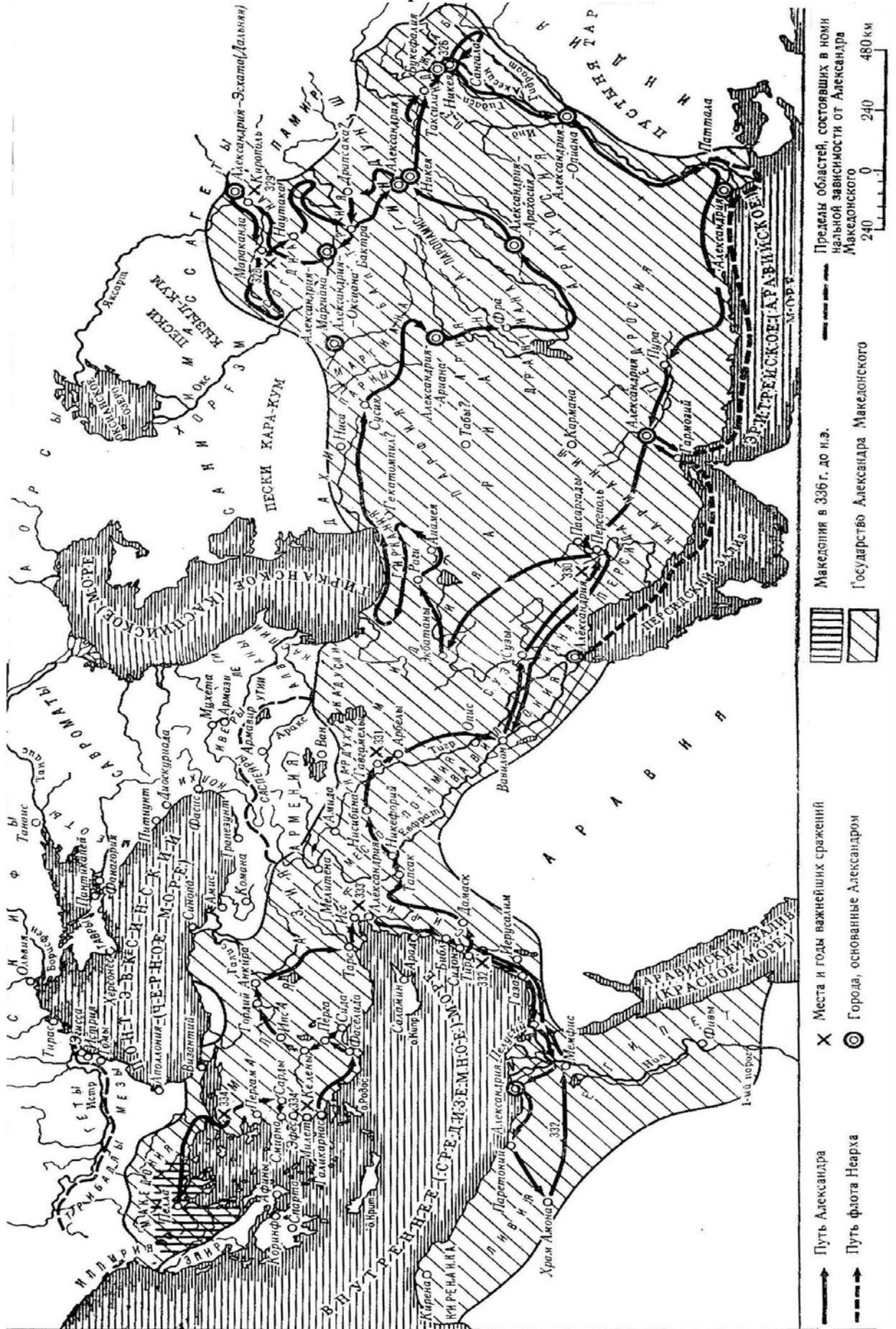
Гл. 15. (1) Когда на четвертый день Александр почувствовал несомненный конец, он сказал, что видит в этом рок, [тяготеющий] над его родом, ибо большинство Эакидов умирало в возрасте до тридцати лет. (2) Затем он сам успокоил солдат, волновавшихся и подозревавших, что царь пал жертвой заговора. Александра перенесли на самое высокое место в городе; он позволил всем воинам лицезреть себя и давал им, плачущим, для поцелуя свою правую руку. (3) В то время как все вокруг него плакали, он не только не проронил ни одной слезы, но даже не обнаружил никаких признаков скорби, а некоторых, особенно сильно горевавших, утешал, некоторым давал поручения к их родителям, – (4) до такой степени дух его был непоколебим не только перед врагом, но и перед самой смертью. (5) Отпустив солдат, он спросил друзей, стоявших вокруг него: как им кажется, найдут ли они царя, подобного ему? (6) Все молчали. Тогда он сказал им, что этого он и сам не знает, однако только он знает и предсказывает, почти видит своими глазами, как много крови прольет Македония в распрях, сколько убийств, сколько крови принесут ему как погребальную жертву. (7) В конце концов он приказал похоронить свое тело в храме Амона. (8) Когда друзья заметили, что он кончается, они спросили: кого он назначает наследником своей державы? Он ответил: достойнейшего (*dignissimum*).

Перевод А.А. Деконского и М.И. Рижского

Вопрос по тексту источника:

1. Сравните версии причин смерти Александра, предложенные Плутархом и Юстином.

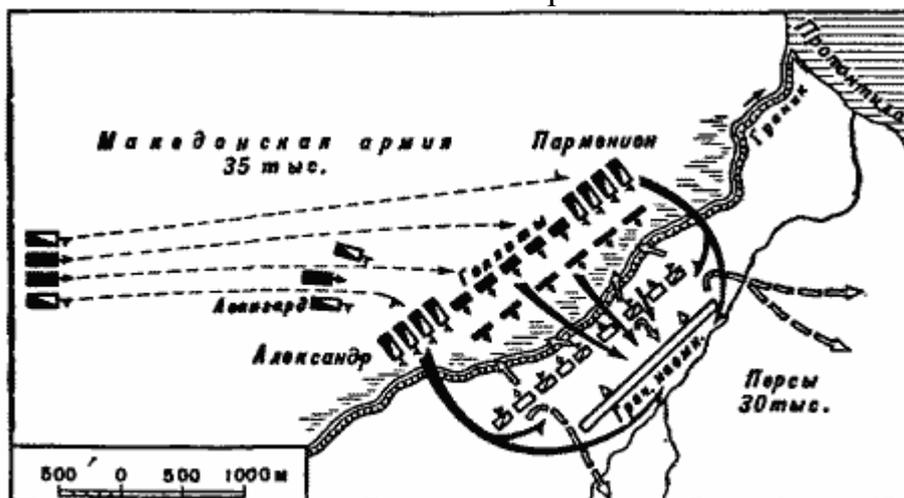
Карта 1.

Задание по карте:

1. Проследите по карте маршрут восточного похода Александра Македонского. Найдите места важнейших сражений.

Карта 2.

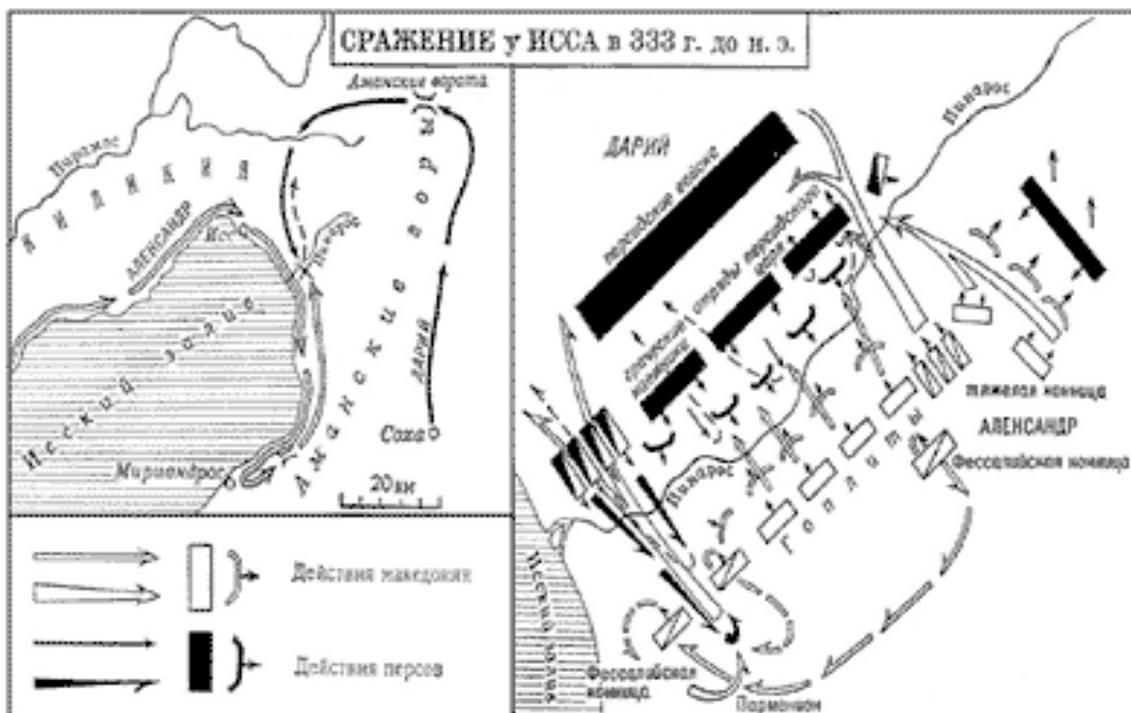

Бой на реке Граник в 334 году до н.э.

Задание по карте:

1. Воспроизведите, опираясь на помещенную на карту схему, ход сражения у реки Граник.

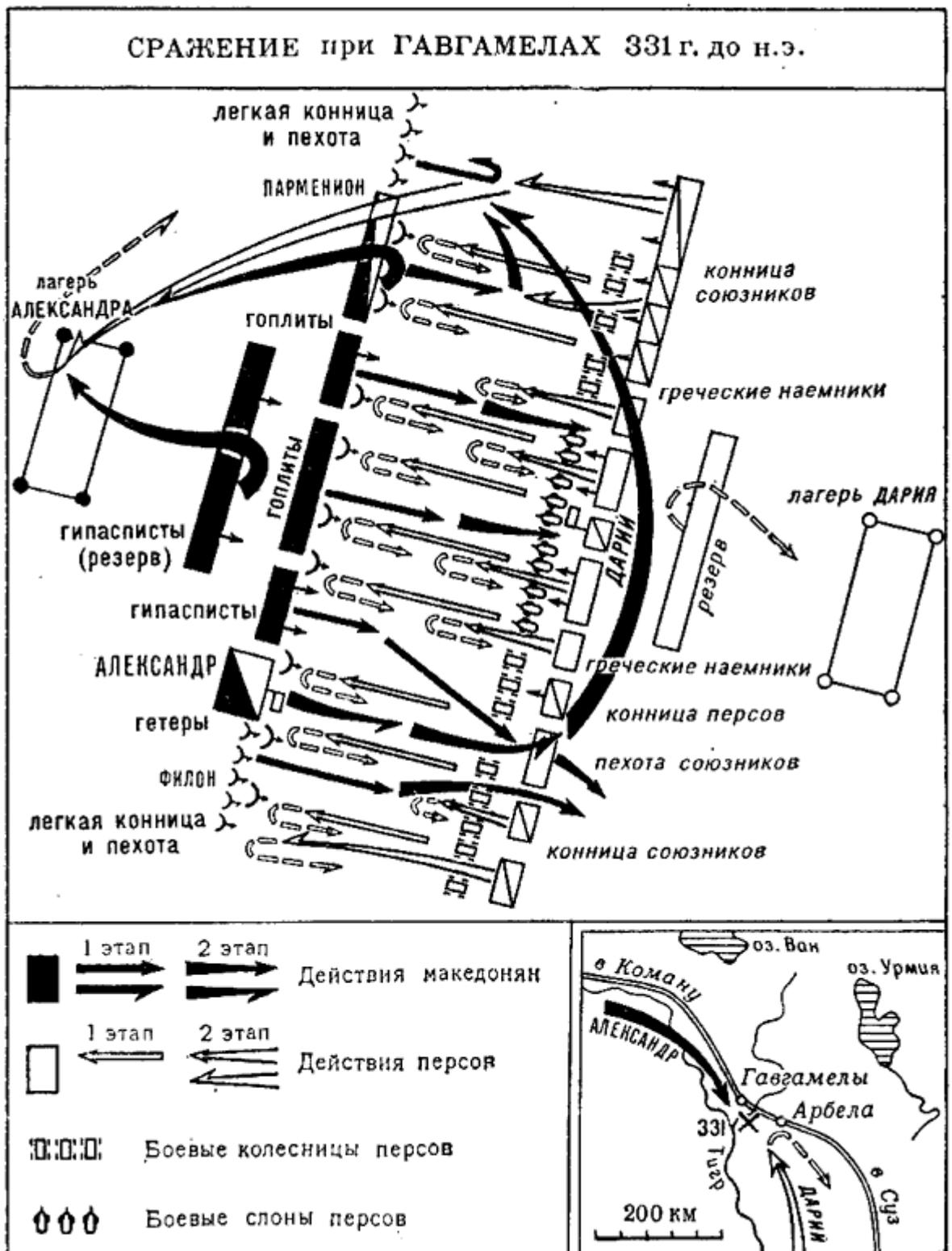
Карта 3.

Задание по карте.

1. Пользуясь картой и схемой, расскажите о ходе сражения у Исса.

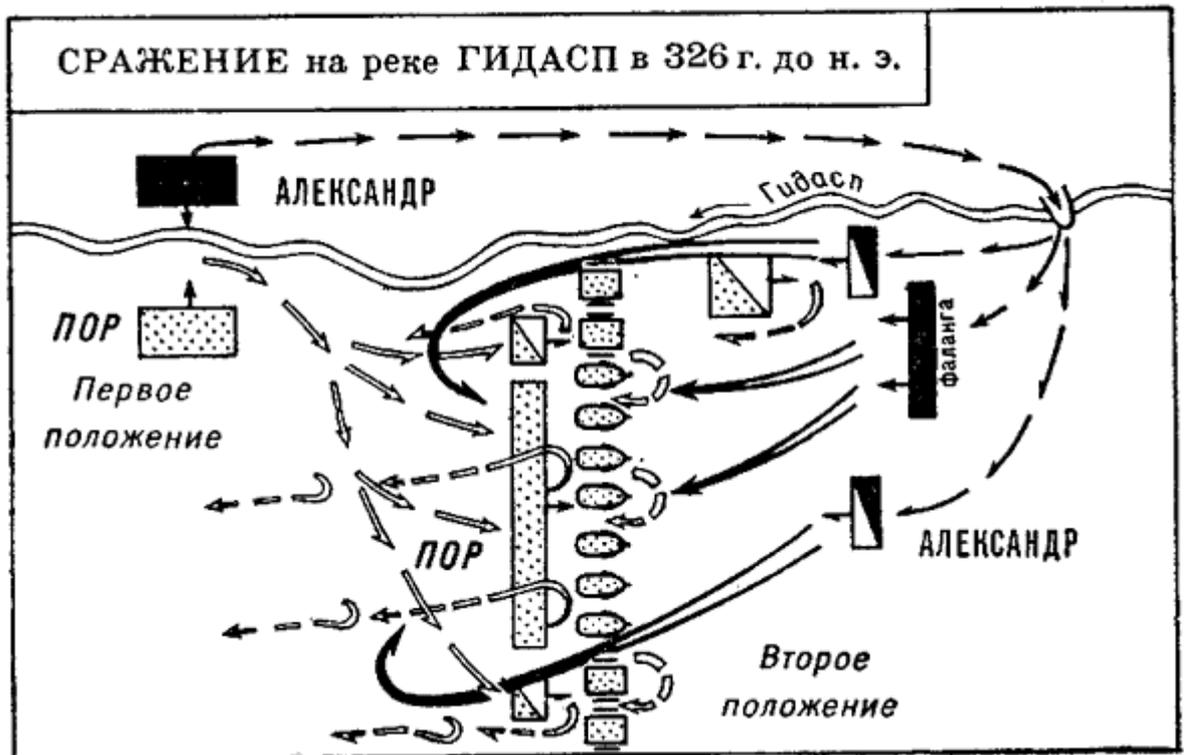
Схема 1.

Задание по схеме:

1. При помощи схемы расскажите о ходе битвы при Гавгамелах. По карте, приложенной к этой схеме, локализируйте (в словесном описании) географическое место битвы.

Схема 2.

Задание по схеме:

1. При помощи схемы расскажите о ходе сражения армии Александра с войском Пора.